

БИОГРАФИЯ ПРОФЕССОРА г. КЕЛЕРА

Публикация и комментарии Л. КИСЕЛЕВОЙ

Родился я в 1826 году, 24 февраля, в Лифляндской губернии, близ Феллина <в названии города здесь и далее стоит ударение над «и»>. — Л. К.>, в деревне Кыбра, в доме одного крестьянина*. Отец мой жил у своего брата в работниках. Дом, в котором жил мой отец, принадлежал тоже его брату. У отца было 4 сына и две дочери¹. Семейство было бедное. Мы жили на так называемой Васте-мыза² <sic!>, т. е. казенная мыза. Эти мызы расположены отдельно, не так, как в деревнях России расположены дворы, а в Лифляндии они стоят отдельно, двора два рядом, а потом за версту от них опять двор и т. д.

Не помню, сколько десятин земли было, но земля эта была казенная, брат моего отца арендовал ее, а домик на этой земле был собственный моего дяди. При нем был амбар, баня, маленький скотный двор — это все принадлежало к этому дому, которого хозяин был мой дядя, он все хозяйство имел в большом виде.

* Запись на полях, приписано карандашом: «Отец имел часть в наделе брата, отец имел впоследствии Любья сарья <Lubjasaare> усадьбу. Он сам там себе выстроил новый дом». К сожалению, некоторые дополнения, сделанные карандашом, были стерты, и прочесть их невозможно. Впоследствии усадьбой Лубьясааре в Вильяндиском уезде владел брат Й. Келера Андрес и его потомки.

¹ У отца Келера Пеэта (Peet Köhler, 1782–1860) и его жены Кай (Kai Köhler, 1787–1864) к моменту рождения будущего художника было 6 детей: дочери Ану (род. 1811), Анн (род. 1821), Мала (род. 1824) и сыновья Тынис (род. 1812), Адо (род. 1814), Юри (1819–1846). Потом в семье появилось еще двое детей: сын Андрес (род. 1828) и дочь Лийсо (род. 1832) // Väike Köleri sõnastik / Koost. A. Allas ja T. Abel. Tallinn, 2001. Lk 82, 102. Далее ссылка на это издание: Väike Köleri sõnastik, с указанием страницы.

² Здесь слово «мыза» (эст. *mõis*) употребляется в значении «хутор». Современное название: хутор Кёэбра в Вастемыйзаской волости Вильяндиского уезда (Ibid. Lk 82).

Я помню себя с 6-го года. Сестра³ меня тогда учила грамоте. Когда мне было 7 лет, тогда я уже был грамотным и был учителем младшего ребенка⁴. Потом я нянчил у старшей сестры⁵ племянницу, тогда мне было 8 лет, когда она, бывало, уйдет на работу, я и нянчил ее ребенка. Как я помню себя, бедность у нас была не особенная, потому что отец был умный человек, но с тех пор, как я запомнил себя, он был почти слепой⁶. Слепым он сделался потому, что однажды что-то ковал в кузнице и искры попали ему в глаза, так что вследствие этого оба глаза его пострадали. Фамилия отца была уже тогда Келер. Эта фамилия была уже потом, вероятно, принята им, при освобождении⁷, так как у эстонцев фамилии не бывает, но при освобождении, при ревизии, все должны были иметь фамилии, то, вероятно отцу и посоветовали взять немецкую фамилию.

Мать моя была из другой деревни, крестьянка, эстонка. Она была грамотная и очень прилежна к работе. Отец также был грамотный, знал по-эстонски читать, но по-немецки совсем не знал.

У нас в доме обычай был, чтобы перед каждым обедом читали «Отче наш» и пели что-нибудь из духовного. Если малейшая крошка хлеба упала на землю, то ее поднимали, и она прикладывалась к губам. В избе у нас было не очень грязно^{*}, в ней мы держали только одних кур, а в курной избе, рядом, весь прочий скот был. Та изба, где был скот, это была у нас рига, в ней еще были холодные комнаты, с маленькими окошечками, там осенью хлеб молотят, там держали зимой скот, а в избе только куры ходили.

Книги у нас были только Библия и Евангелие да сборник духовных песен, да еще календарь.

Дедушку своего я не помню, дедушка никогда не жил у нас, он жил у дяди, у хозяина нашего.

Работником у отца был третий брат, но и отец тоже работал.

³ Видимо, подразумевается сестра Анн. Со следующей сестрой Мала у Келера было всего два года разницы.

⁴ Видимо, брат Андрес. Самая младшая сестра Лийсо была для обучения грамоте еще слишком мала.

⁵ Имеется в виду сестра Ану (род. в 1811 г.).

⁶ Так П. Келер изображен и на портрете, написанном его сыном в 1863 г. и находящимся в Эстонском художественном музее в Таллинне.

⁷ Подразумевается так называемое «безземельное» освобождение крестьян от крепостной зависимости, которое имело место в Лифляндии в 1819 г.

^{*} К этому месту на полях карандашом: «Вечера проводили в курной избе при свете лучины».

Помню я, как однажды, в Троицын день, старший брат⁸, который жил в городе Феллине у столяра, пришел домой, но, идучи домой, он срезал по дороге березки и повесил на них связку кренделей и принес нам, маленьким детям. Это для нас было большим удовольствием.

Затем повезли меня в город к брату и пристроили к мебельному мастеру. Мне дали ларец, в который я прятал хлеб и ветчину, которую мне часто привозили мои родители. Мне сначала нравилось это кушанье, а потом ужасно надоело, потому что хлеб черствел и был ужасен.

Старший брат мой, у которого я жил, учил меня немножко по-немецки и арифметике, что мог, а я помогал ему иногда клеить варить.

Потом я поступил в элементарную школу в Феллине, только учение мое продолжалось там не долго, потому что учитель умер, а другого сейчас не было. Через несколько время я поступил в уездное училище. Там пробыл 3 года, и тут, когда меня перевели в старший класс, я был ужасно огорчен тем, что учитель заметил, что я не понимаю преподавание и те вещи, которые он старался объяснить. Я оттого не понимал объяснение учителя, что преподавание шло на немецком языке, который я почти совсем не знал, и вследствие всего этого меня перевели в нижний класс, потому что там, во втором классе, я учился более на память, долбил, но ничего не понимая. Хотя я и жил в немецком семействе и целый день мог практиковаться, но все-таки, в три года, я не мог усвоить чужой язык.

Курса собственно в этой школе не было. Сидели разное там. Я сидел 3 года, потому что у отца денег не оказалось больше за меня платить. Моя школа, т. е. все время моего учения, стоило отцу сто рублей, и эти сто рублей он мог только экономить, ведя необыкновенно суровую жизнь, так что в моей семье не всегда ели чистый хлеб, а ели его с мякиной.

Мои родители имели необыкновенно хороший нрав <sic!>, так что старший брат мой не был ни разу наказан. Я был наказан два раза, за то, что ел неспелые яблоки, а сестра моя, которой тогда было 13 лет⁹, была наказана розгами за то, что она в их (т. е. родителей) отсутствии купила игольник, за который заплатила полторы копейки серебром, мать, придя домой и увидя, что сестра купила игольник, сказала ей: «Ведь у тебя есть один игольник, зачем же ты купила другой?» — и затем наказала ее.

⁸ Старший брат Тынис, столяр, сыграл большую роль в жизни Келера. У него будущий художник жил в Вильянди (см. ниже), а затем в Петербурге, когда приехал поступить в Академию Художеств. Брат и потом помогал ему материально.

⁹ Речь, видимо, идет об одной из двух сестер, примерных ровесниц Й. Келера — Анн (род. в 1821 г.) или Мамл (род. в 1824 г.).

Три брата мои были все старше меня¹⁰. Самый старший брат на 15 лет был старше меня.

Когда я был в училище, то жил я в Феллине, у г. Дорбека, он был экономом в обществе бюргеров, т. е. в клубе купцов. У Дорбека иногда устраивали театры, и в клубе, приезжими актерами, тоже давались спектакли. Иногда и я бывал в театре. Когда я жил у Дорбека, мне было 12 лет. Отец платил за меня Дорбеку 20 рублей в год, а иногда привозили масло и яйца Дорбеку. За эти деньги Дорбек и кормил меня. Летом я должен был помогать ставить кегли, потому что иногда и в кегли там играли, я также должен был пасти скот, т. е. быть пастухом.

Немецкая грамота у меня плохо шла, но все-таки мое прилежание понравилось, и я получил в подарок русскую грамматику. Я был один из первых, которые знали ее, но после я забыл ее. Учитель, который был инспектором, предлагал мне учиться латинскому языку и греческому, но я не мог воспользоваться его предложением, потому что не на что было купить книги. За учение мое в училище платили 13 рублей в год, так что содержание мое и учение все три года стоили отцу и матери сто рублей. И после этого уже у отца ничего не осталось, так что он не мог давать воспитание другим братьям.

Когда я кончил учение, тогда я поступил к управляющему мызой (Вастемыза). Я вел его книги, приводил их в порядок, и там, между прочим, хозяин мой заметил, что я имею способности к рисованию. Он вследствие того это заметил, что увидал у меня листок, на котором было мною нарисовано растение. После этого он стал мне давать копировать разные машины винокуренного завода. Когда я кончил его книги, тогда он сказал: «Теперь надо что-нибудь другое приобретать», — и спросил меня, чем я хочу сделаться? Я, говорю, сам не знаю. А хочешь, говорит, живописцем, маляром сделаться? — Нет, говорю, маляры ужасно грязные. — Нет, говорит, <нужно> настоящим художником сделаться, вот, говорит, и у меня есть брат художник, но те не такие, как маляры, не грязные. — «Так я с удовольствием туда пойду», — сказал я.

Меня повезли в Венден (города)¹¹ в <18>39 году 6 апреля. По дороге было очень холодно, хотя я и был одет в шубку. Повез меня простой мужик.

Доехали мы до Вендена 9 апреля, и оставили меня в учение у маляра Фабера на 7 лет. В Вендене, на третий год, мне опять случилось видеть трупшу актеров, и мне пришлось декорации писать. Мне никогда не приходилось

¹⁰ Старшие братья Келера: Тынис (род. в 1812 г.), Адо (род. в 1814 г.) и Юри (1819–1846).

¹¹ Уездный город в Лифляндской губернии, теперь г. Цесис в Латвии.

писать ничего подобного, и помню, что я все листики написал висящими на ниточки, и все вниз висели. Надо еще было пушку писать, они играли что-то из Карла XII¹². Я написал и пушку. Посмотрели — говорят — пушка хороша, будешь художником. Тогда мне было 15 лет.

После этого был еще случай. Граф Сиверс, сенатор¹³, построил русскую церковь¹⁴, и все было для нее сделано по рисункам в Петербурге, а внутри, на потолке, надо было писать ангелов, и также и на стенах, по штукатурке. Фабер выписал для этого из Риги хорошего живописца, в сущности, маляра. Так что тут рисовал сам мастер, а мне надо было смывать краски, если что-нибудь не так. Вот мне раз хозяин и говорит: «Иван, попробуй и ты писать». Я попробовал, написал, — хорошо, говорит.

Пришел старик Сиверс в церковь, ему так понравилось, что он меня взял под руку и очень ласкал. Ученики у маляров ходят в халате, я в это время тоже был в халате, который весь был вымазан масляной и клеевой краской, так что на некоторых местах халат этот был покрыт грязью в палец толщиной, и так как халаты меняются редко, то когда идешь, то материя на халате ломается, и куски хлопают по ногам. Мне ужасно совестно было ходить по улицам, где, бывало, навстречу мне попадались молодые девушки, я как-нибудь сторонкой, бывало, обойду, чтобы только не попадаться навстречу; но граф Сиверс все-таки взял меня под руку, хотя я и в халате был, и так мы шли с ним по улице.

В зимнее время и когда не было заказных работ, то я писал к пасхе, например, что-нибудь на яичках. (Чтобы получить диплом на подмастерье, надо тоже фигуру нарисовать). При этой церкви я раскрасил и снаружи

¹² В журнальной публикации уточнено название пьесы — «Карл XII перед Рюгеном» (РС. 1882. № 6. С. 757).

¹³ Граф Карл Густав (Карл Карлович) фон Сиверс (1772–1856) — действительный тайный советник, сенатор (с 1833 г.). Профессиональный военный, участник Польской кампании 1792–93 гг., войн с Наполеоном в 1805–07 гг. и 1812–1815 гг., русско-турецкой войны. В 1814 г. произведен в генерал-лейтенанты. Был женат на Елене Ивановне (урожд. Дуниной), дочери генерала от кавалерии И. П. Дунина.

¹⁴ Существует две легенды относительно причин возведения в Вендене православного Спасо-Преображенского храма (сохранился до настоящего времени, архитектор неизвестен). По одной из них, граф Сиверс построил ее для своей «русской жены» (супруги были впоследствии похоронены в ограде храма). Согласно другой легенде, мать Сиверса, графиня Марта, лютеранка, при вступлении Наполеона в Россию, дала обет, если враг будет изгнан, пожертвовать 1500 рублей серебром на постройку православного храма. Впоследствии, еще при жизни матери, граф Сиверс инициировал сбор средств для строительства, на 1.01.1839 г. было собрано 15 тыс. Синод также выделил средства, значительные суммы пожертвовали император и члены царской семьи, вельможи, семья Сиверсов и др. Строительство началось на месте бывшего костела Св. Екатерины, на границе парка имени Сиверсов, согласно некоторым данным, в 1842 г. (по другим — в 1840–41 гг.). Освящен 6.08.1845.

купола, потому что никто не полезет туда красить, потому что неудобно было снаружи раскрашивать. Вот меня и посылали: «Иван, поди», — и Иван пошел раскрашивать куполы снаружи. Устраивался я красить купол таким образом, что веревку надевал на крючок, делал петлю и одну ногу продевал в петлю, левой рукой держался за веревку, а правой красил. Шары на куполе были золоченные, я смотрел в шарики, любовался, пейзаж был хороший. Я нисколько не боялся, что упаду, ниже была поставлена лестница, я так и слезал.

Я работал у Фабера всевозможные вещи; лакировал кареты, красил дома снаружи, красил полы и проч. Писал же я и паркет. Но что всего хуже было сначала, когда надо было комнаты расписывать, и надо было старую живопись смыть, надо было все тереть тряпкой, а в это время вода холодная течет за шею. От этой грязной холодной воды я получил болячки.

Хозяин обращался со мной хорошо, не бил меня, только один раз получил я плюху, и то виноват был жид, который одно время был работником у хозяина моего. Вот это как произошло: в Троицын день отпустили нас идти из Вендена, на мызу Крмон¹⁵ (Сенваль¹⁶, Треден¹⁷), места старинных замков, где жил Ливонский князь Купо <сверху исправлено карандашом: Каупо¹⁸. — Л. К.>, который был прародителем князей Ливен, этот Каупо перешел потом к немцам и сражался против своих.

У князей Ливен, в Крмоне, есть картинная галерея. Увидя эту галерею, я думал, что могу остаться в ней без еды 14 дней, такое эта галерея сильное впечатление произвела на меня. Крмон находился от Вендена в 35 верстах, туда-то мы и ходили гулять. Я пошел туда с товарищем, князь Ливен¹⁹ пус-

¹⁵ Имение Крмон (современное название — Кримулда, Krimulda), которое с 1817 г. принадлежало роду Ливенов. В средние века здесь находился рыцарский замок, который, наряду с расположенными по соседству Зигвальдом и Турайдой, ныне входят в состав г. Сигулда.

¹⁶ В публикации в РС уточнено: Зегевольд. До 1917 г. так назывался современный латышский город Сигулда (немецк. Segewold). Замок Зигвальд (Siegwald) был основан меченосцами в 1207 г.

¹⁷ Замок Трейден (Treiden), или Турайда, был построен в XIII в., однако ранее на этом месте располагалось укрепленное поселение ливов, находившееся во владении Каупо (см. ниже).

¹⁸ Имеется в виду старейшина угро-финского племени ливов Каупо (ум. в 1217 г.). Первым среди местных старейшин он принял христианство (около 1191 г.) и был союзником немецких рыцарей. Считался предком рода Ливенов.

¹⁹ Владельцем имения на тот момент был князь (в будущем — светлейший князь) Карл Христов (Карл Андреевич) Ливен (1767–1844/1845), генерал-лейтенант в отставке, полечитель Дерптского учебного округа (1817–1828), а затем — министр народного просвещения (1828–1833). В основном кн. Ливен жил в своем курляндском имении Сентен. Вряд ли можно предполагать личную встречу князя с подмастерьями, скорее всего, подразумевается, что он в принципе разрешал посещать его галерею.

тил нас в галерею, и вот это были первые картины, какие я видел, потому что в Вендене картин не было. На товарища моего эти картины не произвели такого сильного впечатления, как на меня, хотя ему они тоже понравились.

Товарищ мой был из самых худших работников, он был старше меня и сильней, он был сын тамошнего сапожника, он был очень дерзкий и распутного нрава, так что от него можно было научиться всему гадкому.

Пошли мы из галереи, а оттуда верст 20, где жили родственники моего товарища, мы зашли к ним и пробыли там денек и на третий уже день Троицы возвратились домой. Хозяин принял нас в ужасном духе, потому что он ожидал меня на второй день назад, и он уже работал, он был сердит необыкновенным образом и дал мне плюху. Это была единственная оплеуха, которую я получил. Это было для меня ужасно, но что же делать! —

После 6 лет учения я был произведен в подмастерья. В мое время в Вендене устроили цех, и я был первым в этом цеху. Хозяин произвел меня в подмастерии раньше срока, так как я прожил у него только 6 — а не 7 лет, он это сделал по ошибке, но я сказал ему, что слово свое сдержу и проживу у него 7 лет. Положил он мне жалованья 75 копеек в неделю. Хозяин мой в это время назначен был от мещан марш комиссаром, он разводил военных по квартирам, и вот он очень ухаживал за одним большим юнкером, который был в тифе. Фабер сам от него заразился тифом, вернулся домой, он слег в постель и больше не вставал, умер.

У меня давно было желание поехать в Петербург и постараться там поступить в академию, но в это время мне нельзя было ехать, жаль было оставить бедное семейство Фабера, надо было у этой семьи привести все в порядок, так как у него остался товар. Детей после хозяина осталось трое, младшему было 12 лет, другие были старше. Стал я приводить дела хозяина в порядок, явился я к Биркен ру — это частная гимназия в Вендене²⁰, пришел я к директору гимназии и сказал, что хотя хозяин и умер, но дело будет ведено так же исправно, как и прежде, в гимназии у нас были постоянные работы.

Директор говорит: «Вы будете работать, вы, вероятно, женитесь на вдове?» — (а жене Фабера было более 30 лет, а мне не было и 20 лет, да к тому же мне нравилась дочь Фабера, красавица Роза, которой был всего шестнадцатый год).

²⁰ Исправлено: в 3 верстах от Вендена. Имя директора частной гимназии в Биркенру названо в РС (1882. № 6. С. 754) — Голландер. По-немецки: Birkenruh и A. W. Hollander (см.: Väike Kõleri sõnastik. Lk 31).

Но все-таки я скоро кончил эти дела, и меня решили отпустить в Петербург. Мне было тогда 20 лет, или немножко меньше, не помню хорошенько. Денег у меня не было, так как я не мог их иметь из такого маленького жалованья, так я продал свое пальто и все проч., что мог, и на эти деньги поехал через Ригу на пароходе в Петербург, и 75 коп. <так!> я приехал сюда в <18>46 году, до холеры.

У меня здесь был уже брат²¹, он делал мебель у себя на дому, хотя и не был мастером, я у него остановился и искал работы, рассуждая так, что, вероятно, скорей всего можно занятие найти у вывесочных мастеров — живописцев.

Оттого-то первую работу я и нашел у Бегемана, который жил у каменного моста. Я работал у этого вывесочного мастера две недели. Я пришел к нему без всякой рекомендации, а потом уже Бегеман рекомендовал меня Гёлицу²² (тоже вывесочный мастер), который жил на Малой Садовой улице. У Гёлица обещали мне 6 руб. жалованья в месяц, и пища его. Ходил я в модном костюме, в нынешнем (В Вендене, и там подмастерья ходят в модном платье, а не в халате, только ученики, и те в будни ходят в халате, а в праздник даже все ученики бывают одеты в модном платье).

И так, у Гёлица я получал 6 рубл<ей>. Он жил довольно чисто. В мастерской у него, кроме его самого, было еще двое учеников. У него на вывеске был нарисован живописец с кистью и палитрой в руках, вывеска была очень большая. Мне было там хорошо и полезно работать, потому что там приходилось снимать с натуры различные предметы. Мне всегда говорили, чтобы перспектива <так!> хорошо вышла, я там и научился перспективе²³. Гёлиц был довольно талантливый господин, он хвалил меня за перспективу, говорил: «Хорошо!». Гёлиц очень любил театральные представления, и вот все домашние его и знакомые собрались и устроили домашний театр. Пришлось мне опять писать декорации. Играли тут в спектакли актеры-любители. Устроили так, что за вход нельзя было брать плату, так при входе на спектакль продавались маленькие, писанные на картоне пейзажики; эти пейзажики писал я, и каждый из пришедших на спектакль покупал эти кар-

²¹ Старший брат Келера Тынис.

²² Варианты написания фамилии: Гюлиц, Гюльц. Останавливаемся на написании Гёлиц, т. к. эта форма дана в печатном тексте (РС. 1886. № 11. С. 337).

²³ Ср. добавление в печатном тексте: «Я работал тем охотнее, что хозяин был образованнее всех тех людей, с которыми мне приходилось сноситься на родине, и скоро оценил мои способности к живописи. Таким образом, в 1848 году, Гёлиц беспрепятственно разрешил мне посещать вечерние классы академии художеств...» (Там же. С. 338).

тинки. Приходили на спектакль все немцы, и играли немецкие пьески, декламация была, пение, танцы и проч.

В Вендене меня хотели женить, хотя это и делалось все очень деликатно, но я все-таки догадался, устоял и не женился.

Когда я жил у Гёлица, то сделал с ним уговор, чтобы посещать мне вечерние классы в академии, и чтобы не было пререканий никаких, то я условился так, чтобы за каждый вечер, когда я ходил в академию, чтобы хозяин вычитал с меня 15 коп., но если была поспешная работа у хозяина, то я должен был оставаться дома. И так я представил инспектору академии, тогда Крутов²⁴ был, картонку, и там нарисована была Галатей. Я с литографии скопировал и писал по-своему²⁵. Он увидел мою работу, и я прямо попал в гипсовую, минуя оригинальный класс. Я писал дома с себя портрет, и потом по просьбе прачки срисовал с нее портрет, и она за то сшила мне рубашки. Мысли высокой о себе у меня не было, мечты были, чтобы только стараться идти так далеко, как возможно, но никогда не назначал себя на известную степень, я находил это не уместным. Я думал: пойду дальше, если смогу.

Стал я ходить в академию с Пантелеймоновской улицы²⁶. Я с Гёлицем был на 4-х квартирах, с Пантелеймоновской улицы надо было бежать, чтобы дойти до академии в $\frac{3}{4}$ часа. Я начал ходить в академию в <18>48 году. В этом году была холера, и я помню, что я часто покупал землянику, которая тогда была очень дешева, и я с удовольствием ее ел.

Посадили было меня в Академии в гипсовый головной класс, но я оказался слаб, последние номера получал. Товарищей по Академии у меня было мало, потому что я не смотрел налево и направо, потому что надо было домой бежать. Вечерние классы в академии были между 5-ю и 7 часами вечера. В Академию я ходил бесплатно. Я был так слаб в рисовании, так часто манкировал, что два года сидел за гипсовой головкой, и все-таки перешел

²⁴ Крутов Андрей Иванович (1796–1860) — инспектор Академии Художеств (далее — АХ). См. о нем в воспоминаниях Ф. Иордана: «После моего выпуска <1824 г.> поступил в академию, наконец, красивый и весьма образованный капитан гвардии Андрей Иванович Крутов. Он всех забрал в руки, вся экономия была в его руках, нажил хорошее состояние и служил до 1851 г., когда уничтожилась совсем эта должность <должность инспектора. — Л. К.>» (Записки ректора и профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордан. М., 1918. С. 25).

²⁵ Ср. в печатном тексте: «Галатей, скопированная с литографии довольно первобытным способом» (РС. 1886. № 11. С. 338).

²⁶ В 1923 г. Пантелеймоновскую улицу переименовали в ул. Пестеля, это название она носит и в настоящее время.

вторым в гипсовый фигур (класс). Там я был год, и там имел все первые номера, а в <18>51 году перешел в натурный последний класс.

В Академии не обращали на меня внимания до тех пор, пока я не получил медаль. Когда я был в натурном классе, решил уйти от Гёлица и попробовать жить самому. Жили мы с г. Брезе²⁷, познакомился я с ним, и жили мы в одной с ним комнате. Я питался колбасами, чаем, хлебом. Брезе занимался литографией, потом начал рисовать в академии и дошел до художника. У него были лишние деньги, а у меня их было очень мало.

Писал я тут портрет с сапожника за 5 рубл.<ей>. Гёлиц мне тоже давал работу, когда что надо было исправить и проч. Потом уж я успешнее стал заниматься в Академии и мало занимался посторонней работой, а более жил в долг, у брата брал деньги, дела брата шли не порядочно, и все-таки я у него рублей 200 забрал в два года. Помощник инспектора в Академии, добрейший человек (теперь он уже умер), который меня знал, вот этот-то помощник, г. Фрикке²⁸, и уговорил меня просить стипендию. Я обратился к профессору Маркову²⁹ (я выбрал Маркова себе учителем), обратился к нему и стал просить, нельзя ли и мне получить стипендию, как другие получают. Он говорит, напишите же прошение. Мне было очень трудно хлопотать самому, я попросил чиновника написать прошение; но все-таки это осталось (хотя я и подал прошение) без всяких последствий. Через несколько времени я обратился опять к Маркову, тогда он мне сказал: «Беднее вас люди есть, которым нужно давать стипендию». — «Но кто же может быть беднее меня, — возразил я, — ведь я живу в долг». — «Вы работаете хорошо, можете сами себе заработать деньги». В то время я уже имел медаль за рисунок — за этюд, так что в один акт я получил разом три серебряные медали. Мне часто выходил первый номер за рисунок, и за эскиз получил один раз первый номер. Потом Фрикке опять хлопотал за меня и говорил обо мне с профессором Воробьевым³⁰, который предлагал мне

²⁷ Брезе Николай Константинович — с 1855 г. — вольноприходящий ученик АХ, с 1861 г. — свободный художник портретной живописи. Литограф, работал в портретном и пейзажном жанрах.

²⁸ Фрикке Христиан Андреевич (1789–1854) — помощник полицмейстера по классам, затем помощник инспектора АХ.

²⁹ Марков Алексей Тарасович (1802–1878) — воспитанник АХ (учился в 1813–24 гг.), в 1830 г. выиграл большую золотую медаль и пенсионерскую поездку в Германию и Италию, во время которой по поручению АХ занимался копированием знаменитых картин. Профессор исторической и портретной живописи АХ с 1841 по 1872 гг. Популярный среди студентов педагог, хотя и слабый художник. Автор росписей в ряде церквей Петербурга, в том числе в Исаакиевском соборе (1840–50-е гг.) и в храме Христа Спасителя в Москве.

³⁰ Воробьев Максим Никифорович (1787–1855) — художник-пейзажист, выпускник АХ (1809), с 1823 г. — профессор. В 1813–14 гг. участвовал в качестве художника в заграничном походе

вступить в Общество поощрения художников³¹. Те приняли меня, потому что вполне знали мои работы. Я в короткое время воспользовался тем, что в то время за первый номер сезона 10 рубл. платили, за второй 5 рубл., кроме месячного. Так как я в то время был самый лучший по этюду и рисунку, то за этюд и за рисунок всегда получал первые номера. Только раз Фрикке видит, что совет дает первый номер другому. Фрикке и говорит: «Почему же Келер не получает первый номер, он взял большой этюд?» — (первый номер Флавицкий³² получил за меня)³³. В рисовальном классе судили при страстно. Только один Басин³⁴, профессор, был всегда очень справедлив и не имел любимцев. Когда бывало его дежурство, я всегда первый номер получал, а в другое время не получал; тогда я, бывало, и лучший рисунок получу и проч., но проф. Марков и проч. давали другим, своим любимцам.

Близко или равно шли со мной в Академии Зубров³⁵, Васильев³⁶, Иков³⁷, Церн³⁸ (он рисовал как литография) и Чистяков³⁹, он теперь профессор-

русской армии, в 1820 г. был послан в Палестину для выполнения чертежей и зарисовок христианских святынь (на их основе он потом написал ряд картин), в 1828 г. состоял в свите Николая I и выполнял этюды о русско-турецкой войне. Автор многих видов Петербурга и Москвы. Наставник Айвазовского, Лагорио, Чернецовых и др.

³¹ Общество поощрения художников (1820–1882, затем в 1882–1917 гг. — Императорское общество поощрения художеств) — общественная организация, основанная с целью материальной поддержки талантов, популяризации произведений русских художников и пр. Выплачивало пособия студентам АХ и давало стипендии для пенсионерских поездок за границу (стипендиатами Общества были А. П. и К. П. Брюлловы, А. А. Иванов, Г. Г. и Н. Г. Чернецовы и мн. др.).

³² Флавицкий Константин Дмитриевич (1830–1866) — в 1855 г. окончил курс АХ с большой золотой медалью, получил право пенсионерской поездки в Италию (1855–1862). За картину «Смерть княжны Таракановой» получил звание профессора (1864).

³³ Это неясное место уточнено в печатном тексте. Ср.: РС. 1886. № 11. С. 340. Фрикке не разобрал подписи и ходатайствовал о перемене решения, таким образом по ошибке лишив Келера первого номера.

³⁴ Басин Петр Васильевич (1793–1877) — живописец, автор картин на мифологические и религиозные темы. Выпускник АХ, в 1819–1830 гг. — пенсионер в Италии. Преподавал в АХ с 1831 г., с 1836 г. — профессор по классу исторической и портретной живописи. Автор многих росписей в Казанском, Исаакиевском соборах, в Зимнем дворце. См.: Художники народов СССР XI–XX вв. Биобиблиографический словарь / Издатель Ю. А. Быстров. СПб., 2002. Т. 1. С. 297–298. Далее ссылки на это издание: Художники (с указанием тома и страницы).

³⁵ Зубров (Зубрев) Николай Платонович, вольноприходящий ученик АХ, в 1851 и 1854 гг. получил малые серебряные медали за живопись с натуры, в 1855 и 1857 — большие, в 1857 г. — звание художника. См.: Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1866. Ч. 3. С. 215 (Далее — Петров, с указанием страницы); Художники. Т. 4. Кн. 1. С. 360.

³⁶ Васильев Михаил Николаевич (1830–1900) — живописец и иконописец. Учился в АХ у А. Т. Маркова в 1850–1857 гг., в 1853 г. получил малую и большую серебряные медали, в 1854 — малую, в 1857 г. — большую золотую медаль и звание классного художника за картину «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила». В 1859–64 гг. — пенсионер АХ

адъюнкт. Он, Чистяков, был реалист — на мозоли он обратил тогда особенное внимание, и все морщинки выписывал, это был его конек.

В этюдном классе я учился более от старших учеников, напр., там был Кабанов⁴⁰, а также в мое время был Ге⁴¹, он сам хвастал больше о себе. Кабанов был лучше его и Бронников⁴² (он немножко старше был). Зубров обещал много, у него колорит был превосходный, но небрежно писал по рисунку этюд, он вышел из Академии и погиб совершенно. Лагорио⁴³

заграницей. В 1869 г. получил звание академика за иконы. С 1878 г. преподавал в АХ, с 1884 г. — профессор.

³⁷ Иков Павел Петрович (1828–1875) — исторический и портретный живописец, учился в Московском училище живописи и ваяния, в 1847 г. перешел в АХ в класс Ф. Бруни. Большую золотую медаль и право пенсионерской поездки за границу получил за картину «Умовение ног Христом Спасителем» в 1858 г. (см.: Петров. С. 305–306). После возвращения из-за границы преподавал рисование в АХ и в рисовальной школе Общества поощрения художников.

³⁸ Церн — видимо, Церм Петр Иванович, академик живописи. Удостоен звания академика 16.10.1856 г. за «картину, изображающую купца и смерть» (Петров. С. 271). В 1861 г. баллотировался на вакансию адъюнкта, но не был избран (см.: Петров. С. 386).

³⁹ Чистяков Павел Петрович (1832–1919) — сын крепостного, при рождении получил вольную. Учился в АХ в 1849–1861 гг., получил большую золотую медаль за картину «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного...». В 1863–70-х гг. был пенсионером АХ заграницей. С 1870 — академик, с 1872 г. — адъюнкт-профессор, с 1892 г. профессор АХ. Прославленный педагог, учитель Васнецова, Сурикова, Серова, Репина, Врубеля и мн. др. Видимо, Келер вспоминает картины Чистякова «Три мужика», 1858; «Римский нищий», 1867.

⁴⁰ Кабанов Иван Андреевич (1819/1823?–1869) — выпускник АХ, в 1853 г. получил большую золотую медаль и звание классного художника. В 1854–1864 — пенсионер АХ в Риме, с 1860 г. — академик исторической живописи (см.: Художники. Т. 4. Кн. 1. С. 578).

⁴¹ Ге Николай Николаевич (1831–1894) — потомок французских эмигрантов. Окончив гимназию, поступил в 1847 г. в университет в Киеве, затем перевелся в Петербург, где параллельно посещал рисовальные классы АХ. В 1850 г. поступил в АХ в класс проф. П. В. Басина. Своим подлинным учителем считал К. Брюллова. В 1857 г. за картину «Аэндорская волшебница вызывает тень Саула» получил большую золотую медаль, звание художника 14 класса и право пенсионерской поездки за границу. В 1857–1863 гг. жил в Италии, посетил Германию, Швейцарию, Францию. В 1863 г. на выставке в АХ была представлена его «Тайная вечеря», за которую ему было присвоено звание профессора. Один из самых известных русских художников XIX в. — портретист, автор картин на исторические и евангельские сюжеты.

⁴² Бронников Федор Андреевич (1827–1902) — живописец и гравер. Происходил из семьи иконописца из Шадринска. В 1844–1854 гг. учился в АХ, получил большую золотую медаль, звание классного художника и пенсионерскую поездку в Рим. Вернулся в Россию в 1863 г., в 1865 г. переехал в Италию. В 1863–64 гг. получил звание профессора АХ.

⁴³ Лагорио Лев Феликсович (1826–1905) — сын неаполитанского вице-консула в Феодосии. После окончания гимназии был определен в АХ пенсионером герцога Лейхтенбергского, учился пейзажной и батальной живописи. В 1850 г. получил большую золотую медаль и пенсионерскую поездку, которая осуществилась в 1853 г., жил в Италии и Швейцарии. Вернулся в 1860 г. и сразу получил звание профессора.

был пейзажист. Тут были еще в других классах: Филиппов⁴⁴, баталист, и Микешин⁴⁵.

В то время было довольно иметь одну большую серебряную медаль за рисунок и за живопись, за этюд или даже за картину, чтобы иметь право конкурировать на золотую медаль.

В мое время имели 4 серебряных медали Тимашевский⁴⁶, Кабанов и я. В настоящее время нужно иметь медали за рисунок, за живопись или этюд. Тогда медали одностороннее были, потому что таланты разные бывают, так давались за рисунок и за этюд, давались две больших серебряных и две маленьких перед этим (редко дается прямо большая). Я имел обе.

Нам дали первый конкурс. Профессор был Марков. Я сделал плохой эскиз. Моя композиция вышла плохой, потому что я не имел времени заниматься ею. После этого нечего делать, я стал заниматься композицией. Занятия композицией состоят в том, что профессор задает какой-нибудь сюжет, напр., «Распятие», вот и нужно сочинить эскиз «Распятие»: карандашом или красками, все равно, кто как желает. Во время конкурса вечером призывают всех конкурентов академии выбрать из разных сюжетов один, там находится при этом и профессор. Сюжет должен быть выбран совсем неизвестный, и потом всех конкурентов вводят в одно зало, они могут там заниматься часов до 12 ночи и потом должны представить свои сочинения. Это правило уставлено для того, чтобы вернее можно было узнать, может каждый из конкурентов компоковать <sic!>. Тут уж я стал более заниматься и получал первые номера. Нужда уж была не так велика.

⁴⁴ Филиппов Константин Николаевич (1830–1878) — живописец-баталист, учился в АХ в 1850–1858 гг. у проф. В. Виллеваальде, участвовал в качестве художника в Крымской войне и был удостоен медали «За оборону Севастополя». В 1858 г. за картину «Военная дорога между Симферополем и Севастополем в 1855 г.» получил большую золотую медаль и пенсионерскую поездку за границу (1859–1864). В 1865 г. удостоен звания академика батальной живописи.

⁴⁵ Микешин Михаил Осипович (1835–1896) — будущий академик скульптуры, автор памятника «Тысячелетие России» в Новгороде и др., окончил в 1858 г. АХ как художник-баталист (по классу проф. В. Виллеваальде), получил большую золотую медаль и право пенсионерской поездки за границу, но этим правом не воспользовался, переключившись на скульптуру.

⁴⁶ Тимашевский Орест Исаакович (1822–1866) учился в АХ как вольноприходящий ученик. Выиграл несколько медалей, поэтому был допущен к конкурсу на большую золотой медаль, которую получил в 1851 г. за картину «Первые христиане-мученики в Киеве» вместе с правом пенсионерской поездки за границу. Вернувшись в 1860 г., получил звание академика.

Львов⁴⁷ и Прянишников⁴⁸ мне много внимания оказали в это время. От Общества поощрения художников я получал в это время рубл. 10 в месяц. После войны⁴⁹ я стал писать на золотую медаль. Во время войны я был в Академии и слышал канонаду⁵⁰, тогда я писал «Давид перед Саулом» на маленькую золотую медаль. Сюжет картины дан был советом⁵¹.

В то время у меня энергия немножко ослабла, так что трудно было прилежно заниматься. Отчего ослабла энергия — не знаю, но вероятно от постоянного напряжения, иногда и квартира не так хороша была. Когда я жил на Васильевском острове, я жил вместе с братом, который тоже стал посещать академию, он хотел архитектором быть, но не сделался им, ему это не удалось, и потом он умер. В настоящее время все мои братья уже умерли, кроме меня да еще сестра одна осталась, она замужем за крестьянином, и зять мой там, на родине, арендатором. Я видел часто, как люди бывали глупы, что относились с пренебрежением к простому народу, зачастую говоря: «Он мужик, ну что от мужика можно ожидать?» У нас было все равно, что эстонец или мужик, только тот, кто в модном платье, тот только считался благородным. Когда в <18>64 году я был в Ревеле и в его окрестностях, меня спросили, откудава я. Я говорю, что я эстонец. «Вас, вероятно, отправили из Эстляндии?» — говорят мне. — «Нет, говорю я, — я из Лифляндии». — «Но такого эстонца, — говорят они, — мы никогда не видали».

Итак, я стал писать картину на золотую медаль. С весны до декабря месяца я работал в мастерской над картиной. В то время я жил в Академии. Там

⁴⁷ Львов Федор Федорович (1819–1895) — секретарь Общества поощрения художников, конференц-секретарь АХ в 1859–1865 гг., впоследствии директор Строгановского училища технического рисования в Москве.

⁴⁸ Прянишников Федор Иванович (1793–1867) — действительный тайный советник, член Государственного Совета с 1854 г. Крупный чиновник, с 1835 г. — петербургский почт-директор, в 1841–1854 гг. — директор Почтового Департамента, в 1857–1863 — главна-чальствующий. Известный библиофил, любитель искусств и собиратель картин, член АХ, Общества поощрения художников, Московского Художественного общества. В 1818–1819 гг. — масон, секретарь ложи «Умиращий Сфинкс», друг А. Ф. Лабзина.

⁴⁹ Сверху карандашом приписано — 1854.

⁵⁰ В ходе Крымской войны боевые действия англо-французской эскадры на Балтике велись летом 1854 и 1855 гг. Наиболее интенсивными были действия в 1854 г., канонада из Кронштадта была особенно хорошо слышна в Петергофе и Ораниенбауме. Жители Петербурга ездили в район Красной горки, чтобы наблюдать за действиями вражеского флота.

⁵¹ Программа для картины на получение малой золотой медали по исторической живописи «Давид играющий на арфе перед Саулом» была утверждена Советом АХ «ученикам Ивану Келеру и Василию Васильеву» 22 апреля 1854 г. (Петров. С. 215).

я познакомился с Бутковским⁵², он был учеником академии, старше меня он был на 15 лет. Он пригласил меня жить вместе с ним, как товарищ, и уважал меня за мою живопись. Мы жили у Мещанкова⁵³, он был помощником инспектора. Там я платил не много. Кончил я картину, медали не получил, и после этого горя был я у ректора нашего Шебуева⁵⁴, у которого просил какого-нибудь денежного пособия. Он мне сказал: «Хотели вам дать медаль за экспрессию». «Зачем же не дали?» — спросил я. — «А отчего же вы не говорили?» — сказал Шебуев. После этого я был сильно огорчен. Шебуев был справедливее других, но он требовал, чтобы его просили; но я никогда никого не просил. Я всегда думал так, что если я достоин, так чтобы дали, и не хотел обидеть никого, кто достойнее меня.

Эту картину, которую я писал на малую золотую медаль («Давид перед Саулом»), впоследствии купил Юрьев⁵⁵.

После этой картины я писал Геркулеса⁵⁶ и получил маленькую золотую медаль. Тогда было так устроено, что перед посещением президентом ака-

⁵² Бутковский, точнее — Будковский Густав (Budkovski Gustav Daniel, 1813–1884), академик живописи. Учился в АХ, в 1845 г. получил малую серебряную медаль за картину «Финские импровизаторы» (Петров. С. 43). В 1846 г., по ходатайству К. Брюллова, его ученику Будковскому было назначено пособие «во уважение успехов его в живописи и крайне бедного положения» (Там же. С. 55). В 1855 г. художник Будковский был возведен в академики за картину, изображающую «молодую вдову с детьми на руках» (Там же. С. 247–248). 12.02.1857 г. «вольноприходящий ученик» И. Келер ходатайствовал перед Советом АХ, чтобы картина Будковского «Вдова в мастерской художника» была представлена императору для покупки за 600 рублей, поскольку ее автор, находясь в Париже, «имеет нужду в деньгах». Совет ходатайство удовлетворил (Там же. С. 277). Но в пособии в 1000 рублей для окончания картины «Появление Мефистофеля у Фауста», о котором Будковский ходатайствовал в письме из Парижа, обещая вернуть деньги по возвращении в Россию, было отказано (Там же. С. 399).

⁵³ Мещанков — личность пока установить не удалось.

⁵⁴ Шебуев Василий Козьмич (1777–1855) — выпускник АХ, с 1807 г. — адъюнкт-профессор исторической живописи, с 1812 г. — профессор, с 1832 г. — ректор АХ. Преподавал рисование великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Расписывал конференц-зал и церковь в АХ, руководил росписью Исаакиевского собора. Автор картин на исторические сюжеты (см.: Русские живописцы XVIII–XIX вв. Биографический словарь. СПб., 2008. С. 683–688).

⁵⁵ Юрьев Александр (1835–1878) — чиновник морского министерства, эстонец по матери и один из участников так называемого кружка «петербургских патриотов», друг Келера. В конце 1860-х гг. художник написал портреты матери и жены Юрьева.

⁵⁶ Совет АХ утвердил программу для картины на малую золотую медаль «Геркулес выводит Цербера из преддверия ада» 9.04.1855 г. (Петров. С. 215). Ныне картина находится в Художественном музее Эстонии. В связи с этой картиной в печатном тексте излагается эпизод с посещением Келера художником Петцольдом, портреты которого когда-то побудили Келера отправиться в Петербург (РС. 1886. № 11. С. 341).

демии Марии Николаевны⁵⁷ должен был каждый художник стоять около своей картины, чтобы она могла делать замечания.

Когда великая княгиня дошла до моей картины, она посмотрела, улыбнулась и говорит: «По этому предмету я мало сведуща и мало могу делать замечаний» (картина «Геркулес» была чисто голая фигура мужчины⁵⁸), потом прибавила: «Вы протезе Гартмана⁵⁹?»

Я чувствовал себя сконфуженным. Так как я был знаком с лейб-медиком Марии Николаевны, Гартманом, то он и говорил с ней обо мне. После уже оказалось, что в первый день совет академии не нашел эту картину достойной золотой медали, потому что была всего одна только фигура, хотя сюжет сам совет дал, и так как Гартман говорил великой княгине об этом, то она настаивала на том, чтобы медаль мне дала академия⁶⁰. Эта картина висит в академии, и как-то Иордан⁶¹ говорил мне, указывая на нее: «В настоящее время вы не можете писать так хорошо». — «Но вы мне все-таки за нее не дали медаль», — сказал я. — «Как не дали? — спросил Иордан. — Ведь вы получили за нее медаль?» — «Да, я получил медаль, но мне ее дала Мария Николаевна, а не вы».

⁵⁷ Мария Николаевна, великая княгиня (1819–1876) — старшая дочь императора Николая I, президент АХ с 1852 по 1876 г. Пост она унаследовала после смерти своего первого мужа — герцога Максимилиана Лейхтенбергского, в 1854 г. вступила в морганатический брак с гр. Г. Строгановым. С 1862 г. поселилась во Флоренции, занималась коллекционированием произведений искусства.

⁵⁸ В том же решении Совета АХ от 9.04.1855 г., где были назначены программы, сделан комментарий относительно размеров картины: «для исторических картин принять меру, по сравнению с главною на первом плане фигурою, *в пол-натуры*; кроме программы ученика Келера у которого одна фигура, и назначается написать оную более чем в пол-роста» (Петров. С. 237).

⁵⁹ Гартман (Гаартман) Карл Карлович, фон (Carl Frans Gabriel von Haartman, 1819–1888) — придворный врач, выпускник Гельсингфорского университета, гинеколог по специальности. С 1852 г. стал лейб-медиком великой княгини Марии Николаевны, позже — императора Александра II, его жены и детей. Вышел в отставку в 1875 г. Гартман коллекционировал произведения искусства; в 1856 г. Келер написал его портрет.

⁶⁰ Это отразилось и в решении Совета АХ от 30.09.1855 г. Золотые медали второго достоинства были присуждены Е. Годуну и Н. Ге, а Келеру — «по соизволению Ея Императорского Высочества Президента» (Петров. С. 250).

⁶¹ Иордан Федор Иванович (1800–1883) — известный гравер, ученик Н. И. Уткина по АХ, с 1855 г. — профессор гравировального класса, с 1871 г. — ректор живописного и скульптурного отделений. Автор воспоминаний: Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордан. М., 1918.

В это время у меня много было знакомства. Тогда я познакомился с Гротом, писал с него портрет⁶². В это время я не нуждался. За портреты мне платили.

Потом на следующий год я конкурировал на большую золотую медаль. Это было в <18>56 году. Сюжет был дан «Саул у Эндорской волшебницы»⁶³. Конкурентами были: Васильев, Мартынов⁶⁴, Ге, Солдаткин⁶⁵ и я. Тогда у меня было расстроено здоровье, так что проходили целые дни, и я не мог ничего сделать⁶⁶, и принял отчасти потому предложение профессора Неффа⁶⁷ помогать писать а ля Ватто в Ораниенбаумском дворце

⁶² Грот Яков Карлович (1812–1893) — выпускник Царскосельского лицея (1832), ставший впоследствии выдающимся филологом, профессором Гельсингфорского университета (1841–1852), основателем Славянской библиотеки в Хельсинки, затем — член-корреспондент АН, профессор Царскосельского лицея, с 1858 — академик, с 1889 — вице-президент АН. В 1850-е гг. был преподавателем великих князей Николая и Александра Александровичей. См.: *Грот К. Я. Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота. (1812–1893): Хронологический обзор его жизни и деятельности.* СПб., 1912. С. Я. К. Гротом, его женой Н. П. Грот (урожд. Семеновой), с их детьми и родственниками Н. П. Семеновым и П. П. Семеновым-Тянь-Шанским Келер сохранил дружбу до конца жизни и много их портретировал. Посмертный портрет Я. К. Грота — это последнее произведение И. Келера, стоявшее на мольберте в момент смерти художника.

⁶³ 26.05.1856 г. Совет АХ утвердил программу на получение больших золотых медалей. По «живописи исторической» — «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила» «ученикам Николаю Ге, Дмитрию Мартынову, Ивану Келеру, Петру Солдаткину, Михаилу Васильеву и Ефрему Годуну» (Петров. С. 265).

⁶⁴ Мартынов Дмитрий Никифорович (1826–1889) — окончил Петербургскую рисовальную школу по классу проф. А. Т. Маркова, был вольноприходящим учеником АХ, с 1852 г. регулярно участвовал в конкурсах. Картина «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила», 1857 г., принесла ему большую золотую медаль, звание классного художника и право пенсионерской поездки за границу. В 1864 г. ему было присвоено звание академика исторической и портретной живописи. Был известен как иконописец, расписывал храм Христа Спасителя в Москве.

⁶⁵ Солдаткин Петр — ученик АХ по исторической живописи. Конкурировал на большую золотую медаль в 1855 («Самсон поражает Филастимлян») и 1857 гг., но медали не получил, хотя в 1851 г. вместе с Келером был награжден малой серебряной медалью (Петров. С. 175), а в 1853 г. — малой золотой за картину «Фидиас представляет Периклу модель статуи Минервы» (Петров. С. 204).

⁶⁶ Конкуренты Келера на медаль представили свои эскизы уже в начале июля 1856 г. Президент АХ сделала замечания на работы: «Николая Ге: “для чего фигура Бедуина? Все остальное хорошо”. — Дмитрия Мартынова: “средняя фигура волшебницы не хороша”. Петра Солдаткина “открыть лице Самуила и... слабо”. Михаила Васильева: “не хорошо поворот головы Самуила”. Ефрема Годуна “не с охотой написано”» (Петров. С. 268).

⁶⁷ Нефф Карл Тимолеон (Тимофей Андреевич) (1804–1876) — незаконный сын французской гувернантки и прибалтийского дворянина (потом Г. Цёге фон Мантейфель назвал его своим приемным сыном: <http://www.laekvere.ee/dat/file/artikkel/neff.pdf>). Родился в Эстонии, в имении Пюсси (Neu-Isenhof), видимо, учился живописи у прибалтийского художника К. Ф. Кюгельгена, затем в 1823–1825 гг. у частных учителей в Дрездене. С 1827 г. жил в Пе-

вместе с пейзажистом Фрикке⁶⁸. Нефф уверял меня, говоря, что если я не захочу работать, то могу ехать с фрейлинами кататься и т. п. Но на месте совсем не так оказалось. Я принял предложение ехать, рассчитывая так, что это все-таки было весной, и что я возвращусь в Петербург подкрепленным, и могу докончить в сентябре картину, а ехал я туда на полтора месяца. Но я все-таки там не отдохнул, и с трудом кончил свою картину. В Ораниенбауме я делал (писал) только фигуру, а Фрикке писал цветы и проч.

После того, как я представил мою картину, инспектор Академии Эйзенден, который присутствовал в совете и слышал, что все были довольны картиной, поздравил меня, говоря, что я наверное получу медаль.

Профессор Нефф раньше говорил мне, что если одному решат медаль дать, то не наверно я получу, но если дадут две медали, то вы получите, сказал Нефф. (Ге был самый талантливый из конкурентов). Я ответил Неффу, что знаю, как ведется дело. Получили медали 4⁶⁹: Годун⁷⁰, Мартынов, Васильев и Ге. Я остался без медали вследствие интриг. Ге был самый талантливый, а получил больше голосов тот, кто был самый слабый, напр., Годун, он получил первый, это по баллотировке делается, прямо-то не могут высказать, а тут на баллотировке можно.

Я никогда не просил никого, но если делали несправедливости с другими, я не переносил и бранил. Но никогда никому дурного я не сделал.

тербурге, быстро приобрел популярность как портретист, за росписи малой церкви Зимнего дворца (1839) получил звание академика, за иконостас Исаакиевского собора — профессора АХ (1854). С 1864 г. был хранителем картинной галереи Эрмитажа. Келер явно недолюбливал Неффа, считал его пронирым и нечестным человеком (что отразится далее в рассказе о пребывании в Риме).

⁶⁸ См. уточнение в печатном тексте — имелся в виду товарищ Келера по АХ, сын помощника инспектора. Нам известен лишь один сын помощника инспектора Х. А. Фрикке, ставший художником-пейзажистом — Фрикке Логин Христианович (1820–1893). Однако он был гораздо старше Келера по АХ (окончил в 1839 г.), к 1850-м гг. был уже академиком и жил, в основном, в Крыму, хотя дважды — в 1854 и 1855 гг. — принимал участие в академических выставках, так что мог участвовать и в росписях Ораниенбаумского дворца, но это нуждается в уточнении.

⁶⁹ Совет АХ своим решением от 14.03.1857 г. присудил большие золотые медали за картины «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила» художникам Михаилу Васильеву, Ефрему Годуну, Дмитрию Мартынову и Николаю Ге (см.: Петров. С. 282).

⁷⁰ Годун Ефрем — классный художник исторической живописи. Николай I, посетивший выставку АХ в декабре 1853 г., остался недоволен его «Портретом госпожи Флориановой» (см.: Петров. С. 210). Однако в 1854 г. Годун получил вместе с Ге большую серебряную медаль за живопись с натуры (Там же. С. 212). В том же году получил программу на малую золотую медаль «Пророк Елисей воскрешает сына вдовицы» (Там же. С. 215), но был удостоен этой медали в 1855 г. за картину «Явление Божией Матери Преподобному Сергию» (Там же. С. 250).

После на акте я встретил графа Толстого⁷¹, он протянул мне свою руку, с сожалением пожимая мою. Я отдернул свою руку, думая: «Какой же ты президент, когда не мог поправить дело».

Маркова я встретил на Невском проспекте, после этого он мне сказал, что в будущем году вы наверное получите медаль⁷². Я отвечал, что если сто медалей положите на стол, то я и тогда не буду конкурировать, а иначе ведь мне в гроб нужно лечь.

III

Я решился уехать за границу (на свой счет) в звании классного художника. Мне был заказан портрет Государя во весь рост⁷³, я писал его за границей. У Мартынова, который писал уже раньше, не взяли портрет, а заказали мне, хотя я и не получил медали. Я получил за портрет Государя 1200 рубл. Один портрет Государя пошел во дворец наместнику. Итак, я поехал за границу на свой счет. У меня денег было немного, так как из тех, которые я зарабатывал, мне нужно было посылать родственникам. Я уехал с маленьким заказом графа Сиверса, взялся я «Распятие» писать, хотел его написать здесь, но потом сказал, что лучше сделаю его за границей, и писал его в Париже.

⁷¹ Толстой Федор Петрович, граф (1783–1873) — известный медальер, скульптор, живописец. По сути, уникальный в России начала XIX в. пример титулованного дворянина, ставшего профессиональным художником. С 1825 г. — преподаватель медальерного класса АХ, с 1828 г. — вице-президент, с 1859 г. — товарищ президента АХ. С 1842 г. — профессор медальерного класса, с 1843 — также и скульптурного. Автор замечательных мемуаров, см. их полную версию: Записки графа Ф. П. Толстого. М., 2001.

⁷² В АХ были нередки случаи, когда на медали конкурировали на несколько раз. Например, Д. Мартынов, К. Флавицкий, М. Васильев, П. Солдаткин получили программы на большую золотую медаль в 1855 г., но медали тогда был удостоен только Флавицкий (см.: Петров. С. 236 и 250). Остальные конкурировали заново, причем Солдаткин не получил медали и в 1857 г.

⁷³ По-видимому, речь идет о портрете императора Николая I, написанного Келером по заказу гр. Д. Н. Блудова. О том, портрет какого императора имеется в виду, есть разные точки зрения, т. к. в РС сказано «покойного государя». Однако естественнее принять за точку отсчета хронологию повествования. Более вероятно, что молодому художнику поручили сделать повторение портрета покойного Николая I, а не недавно вступившего на престол Александра II. Келер завершил работу весной 1857 г. (РС. 1886. № 11. С. 343).

Денег я повез с собой 600 рубл.⁷⁴ Я поехал на почтовых до Кенигсберга, от Кенигсберга по железной дороге. Приготовляясь ехать за границу, я в Петербурге учился французскому языку. Я не был так прост, чтобы поехать за границу, не зная иностранного языка. Писем у меня рекомендательных ни к кому не было, да я никогда об этом и не заботился и никогда не мечтал о том, чтобы у кого-нибудь работать в мастерской. Я решился только побывать у Ари Шеффера⁷⁵, я его очень уважал, но потом я услышал, что он не так здоров, а потом уже я не попал к нему, потому что он умер. Германию я проехал, почти не останавливаясь, потому что Будковский был в Париже и ожидал меня, но по дороге со мной случилось то, что я, в утомленном состоянии, я заснул и не заметил, как вместо того, чтобы мне ехать из Кельна в Париж, я очутился в Брюсселе. Мне надо было переменить поезд, но я проспал и не заметил этого, а билет у меня был взят на Париж. Когда я проснулся и спросил, где я, мне говорят: «В Брюсселе!» — «Как в Брюсселе?» — Я сейчас тут же показал билет, хотя я в тот же час и не попал, в который рассчитывал, но меня все-таки за те же деньги довезли до Парижа, так как я сказал, что ваши люди виноваты, зачем меня не высадили раньше.

В Париже я только осмотрел Всемирную художественную выставку⁷⁶, а потом отправился вместе с Будковским⁷⁷ в Германию (Будковский живет

⁷⁴ Если сравнить эту сумму с той, которую получили пенсионеры (3 тыс. рублей в год), то можно сказать, что Келер был весьма ограничен в средствах. Ср. запись в журнале Совета АХ от 20.05.1857 г.: «Награжденных от Академии золотыми медалями 1-го достоинства художников 14-го класса: Николая Ге, Михаила Васильева, Ефрема Годуна, Дмитрия Мартынова, Карла Кольмана, Карла Рахау, Александра Фон-Бока и Александра Романовича-Богомолу, отправить за границу для усовершенствования в искусстве, с производством на содержание их там, каждому по триста червонных в год из Государственного Казначейства, первым семи в течение шести лет; а последнему Богомолу в течение трех лет» (Петров. С. 287).

⁷⁵ Ари Шеффер (Ary Scheffer, 1795–1858) — французский исторический и жанровый живописец. Создал много картин на библейские и евангельские сюжеты, пользовался большой популярностью.

⁷⁶ Видимо, имеется в виду художественный Салон в Париже — Salon de 1857, который посетил и Н. Н. Ге, будучи за границей. См. описание и каталог: Exposition des beaux-arts. Salon de 1857 / Par Louis Auvray. Paris, 1857.

⁷⁷ Маршрут путешествия с Будковским по Германии и Швейцарии можно уточнить по письму Келера к Н. П. Грот из Парижа от 5.01.1858: из Парижа в Страсбург, Баден-Баден, через Шварцвальд (где восходили на Флесберг) в Шафхаузен, потом по Рейну до Констанца, затем в Швейцарию. После этого направились через Боденское озеро, Линдау, Аусбург в Мюнхен, оттуда через Нюрнберг, Бамберг-Вюрцбург во Франкфурт-на-Майне. Далее — Дармштадт, Кассель, Лейпциг, Веймар, Дрезден. Через два дня — Дюссельдорф и Кельн, оттуда — в Голландию, в частности, в Саардам, затем в Брюссель и обратно в Париж. Упоминает и о встрече с доктором Гартманом в Дармштадте и о том, что видел там императора Александра II (см.: Письма. С. 26).

теперь в Риме, он прислал сюда на выставку картины. Будковский не очень талантливый, но старательный, у него до сих пор нет свободы в письме. Он пишет более ... <одно слово нрзб.>, исторический жанр). Будковский теперь в Риме, как я уже сказал, и нуждается, Бранников⁷⁸ тоже в Риме живет. Когда я уезжал отсюда, то Львов мне говорил, что, вероятно, Общество поощрения художников сделает вас своим заграничным пансионером. Я сказал, что с удовольствием приму это, но сам просить не буду. Потом они мне писали (от Общества), что мы все купим, что будете нам писать, но только пишите для нас маленькие вещи. Но первые годы я оттудова ничего не прислал, потому что сам недоволен был своей работой. Если послать сюда что-нибудь, так надо уже что-нибудь солидное, а какую-нибудь вещь в рубль не стоит посылать.

Живя с Будковским в Германии, мы ходили с ним пешком в Шварцвальдер⁷⁹.

Я пробыл за границей 5 лет. Больше всего в Риме. Там жить мне очень нравилось, и там было много художников.

Продолжение биографии г. Келера

Итак, в 1857 я был за границей. Сколько ни было собрано произведений искусства на Всемирной Парижской художественной выставке, но ничего особенно не поражало, потому что у нас в Эрмитаже очень много собрано произведений великих знаменитых художников, и мы, следовательно, уже насмотрелись на них.

Часто знаменитые картины не дают того, чем воображают их себе знаменитыми! <так!> Я считал давно, что природа — самый великий учитель и мастер, на выставках хорошо посмотреть картины, но учиться все-таки надо у природы, потому что лучше этого учителя нет. Так как у нас в Академии учат порядочно, то учиться на картинах художников и для этого ездить на выставки не стоит, а вот у нас не достает обыкновенно понятия о колорите, поэзии нет, так как у нас в академии смотрят на это более с школьной стороны.

Из Парижа я поехал и посмотрел Дрезденскую галерею. Тут я сидел долго перед «Сикстинской Мадонной», но никак не мог понять, отчего

⁷⁸ Имеется в виду Ф. А. Бронников (см. примеч. 42).

⁷⁹ Шварцвальдер Хохвальд — лес в Заарланде на юге Германии.

немцы так высоко ценят «Мадонну» Гольбейна⁸⁰. «Сикстинская Мадонна» Рафаэля поставлена в особенной зале, а на другом конце этой же залы, и с такой же обстановкой поставлена «Мадонна» Гольбейна, поставлена она потому тут — что немецкая. Мадонна Гольбейна не понравилась мне, выражение в ней и нет божественного, которое требуется от Мадонны, и нет той величественности и грациозности, — как она держит младенца у Рафаэля. Впоследствии оказалось, что это вовсе не оригинал Гольбейна, и немецкие художники долго спорили об этом *про* и *контра*. Большинство было за то, что это не оригинал, а другие даже, что это вовсе не Гольбейном написано, а каким-то неизвестным художником. Что это не оригинал, а из Дармштадта, то я убедился в этом в Мюнхене, там была Дармштадтская выставлена, хотя довольно испорченная.

Немцы ужасно (в Дрездене) гордились «Мадонной» Гольбейна, выставленной в Дрезденской галереи, и меня, кажется, прибили бы, если бы я сказал, что она мне не нравится. То, что эта была не Гольбейна «Мадонна», раскрылось лет 10 тому назад.

В Дрездене я встретился со своим товарищем по Академии с скульптором, получившим также большую медаль, Александром фон-Бок⁸¹. Мы с ним вместе поехали в Вартбург⁸². Осмотрели там фрески, написанные разными художниками, Шевинтом⁸³ и др., и остатки чернил (обновленных), которые еще от Лютера остались, брошенные на дьявола, который помешал ему перевести Библию. Там в капелле мы пели вместе с Герцогом

⁸⁰ «Мадонна» Ганса Гольбейна Младшего (1497–1543) — «Мадонна семейства Мейера» («Мадонна бургомистра Мейера» — с изображением семьи базельского бургомистра у ног Богоматери), ок. 1528 г. Оригинал хранился в Дармштадтской, копия — в Дрезденской галерее.

⁸¹ Бок Александр, фон (Alexander von Bock, Бок Александр Романович, 1829–1895) — скульптор. Выходец из Лифляндии, учился в АХ у П. К. Клодта, в 1857 г. получил большую золотую медаль, звание классного художника за барельеф «Распятие Христа Спасителя». В 1858–64 гг. был пенсионером АХ. В 1864 г. получил звание профессора скульптуры. С 1865 по 1895 гг. преподавал в АХ. См.: Художники. Т. 2. С. 17. У Бока учились первые эстонские скульпторы А. Вейценберг и А. Адамсон. Судя по переписке, между Бок и Келером существовали разногласия по политическим и религиозным вопросам, что не помешало им остаться друзьями (см.: Väike Köleri sõnastik. Lk 29–30).

⁸² Вартбург — замок XI в. в Тюрингии, недалеко от города Айзенаха. В 1521–22 гг. в замке под именем «юнкер Йорг» после отлучения от церкви скрывался Мартин Лютер, там он закончил перевод Нового Завета на немецкий язык. По преданию, тогда он запустил чернильницей в дьявола.

⁸³ Швинд (Schwind) Мориц (1804–1871) — представитель романтического направления в немецкой живописи. В Вартбургском замке написал сцены из жизни Св. Елизаветы и состязание миннезингеров.

Веймарским⁸⁴. Оттуда мы отправились пешком в Тюрнгенвальд⁸⁵, наслаждались тут буковыми деревьями, а еще более близ Фруля наслаждались, слушая музыку, которая происходила от колокольчиков, привязанных к каждому из животных пасущегося здесь стада коров. Мы удивлялись, как гармонично наигрывали навязанные колокольчики, в то время как коровы там ходили, пили и ели. Но потом оказалось, что все эти колокольчики были подобраны по тону и потому так гармонично звучали.

В Вартбурге Бок решил больше не курить, потому что ему надоело курить, но в Фруле мы попали на выставку изделий трубок из морской пены, и Бок купил себе трубку, а сам только что бросил курить; над этим мы очень смеялись после в Вартбурге, откуда Бок поехал прямо в Париж, а я поехал в Голландию, в Амстердам, я хотел там видеть Рембрандта. Надо еще раньше упомянуть, что мы из Вартбурга ездили в Кассель, там я и видел первый раз Рембрандта⁸⁶, совсем иначе писано, чем в Петербурге⁸⁷ и действительно отделано до тонкости, без мастерских мазков.

Общее впечатление Голландия оставила на меня грустное, постоянные туманы, холодно⁸⁸. Голландцы на улицах стояли со своими трубками, они брызгали из них вверх струею воду на дома и мыли их снаружи. Мальчики преследовали меня по улицам, требуя чистки сапог (мальчики, уличные чистильщики сапог). Все это так подействовало на меня, что я рад был выбраться из Голландии, в которой я был один, мне было и то еще очень неприятно, что я языка не знал, а по-немецки там плохо говорят.

В Гааге я любовался еще картиной Рембрандта «Портрет Врачей»⁸⁹. Эта картина очень тонко выписана Рембрандтом, анатомия хорошо выде-

⁸⁴ Карл-Александр-Август-Иоанн, великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский (1818–1901) — единственный сын Карла Фридриха и великой княгини Марии Павловны, дочери императора Павла I.

⁸⁵ Название искажено при записи: Thüringer Wald, т. е. Тюрингенский Лес — горы средней высоты в Тюрингии.

⁸⁶ В музее Касселя хранятся «Автопортрет в шлеме» 1634, «Зимний пейзаж» 1646, «Иаков, благословляющий детей Иосифа» 1656.

⁸⁷ В Эрмитаже хранятся следующие картины Рембрандта: «Флора» 1634, «Жертвоприношение Авраама» 1635, «Святое семейство» 1645, «Аман в опале» 1662, «Давид и Урия» и «Возвращение блудного сына» 1665. Трудно сказать, какие именно из них видел Келер.

⁸⁸ В письме к Н. Грот Келер упоминает о своем посещении Саардама и домика Петра I. Здесь он также пишет о дождях и туманах, но подчеркивает своеобразие Голландии и то, как ветряные мельницы и пасущиеся на лугах коровы оживляют пейзаж (Письма. С. 26).

⁸⁹ Имеется в виду картина Рембрандта «Урок анатомии доктора Туальпа» 1632, хранящаяся в Королевской художественной галерее в Гааге.

лана. В Антверпене я видел «Снятие с креста» Рубенса⁹⁰, это более отделано, чем другие его известные картины.

Приехавши в Париж, я занял мастерскую рядом с Бутковским, в Рю-де-Дуе Каз⁹¹. Это была настоящая мастерская, светлая, с большими окнами (там таких готовых мастерских много есть).

Там я принялся писать «Распятие» (композиция была тоже моя). Писал я в пол роста человека, более это сделал для себя, чтобы легче было с натуры работать, а заказ исполнил уже в большом виде с этого. Заказ был сделан больше чем в рост человека. Этот заказ был у меня из Петербурга, граф Сиверс мне заказал (когда я программу писал) для Венденской церкви в Лифляндии⁹². Граф Сиверс дал мне вперед за эту работу 200 р. для программы, мне это было очень кстати получить деньги. Я объявил графу Сиверсу, что еду за границу и там напишу картину. Он сожалел, что я не в Петербурге буду ее писать, так как Нефф помог бы мне советом. Я и говорю графу: «Нефф не напишет такую картину, потому что я сильнее в этом деле, чем Нефф». Граф очень удивился тому, что я сказал. Я говорил, что такое Распятие, какое напишу я, Нефф никогда не напишет, и если вы сомневаетесь в этом, то я отдам ваши 200 р. вам назад. После этого граф Сиверс согласился на все, и больше слов не было об этом. Когда он после получил мою картину, то он очень был доволен ею. Разумеется, тут я старался сделать картину, а не просто заказ, чтобы только деньги получить. Сиверс мне тем не понравился, что он, будучи со звездой, влетел ко мне в мастерскую и стал говорить со мной покровительственным тоном. Я его осадил так, что он из мастерской, в которую влетел так величественно, вышел совсем *маленьким* и больше такого тона со мной не принимал. Я был потом у него на мызе (близ Вендена его мыза). Он был со мною очень любезен, поехал со мной, все мне показывал в своем имении.

⁹⁰ Картина Рубенса «Снятие с креста», 1611–1614, написана для городского собора Антверпена.

⁹¹ В письме к Н. Грот от 5.01.1858 г. Келер точно обозначает свой парижский адрес: 15. Rue de Douai (Письма. С. 26).

⁹² Картина Келера по сей день украшает церковь Св. Иоанна Крестителя в г. Цесисе. Заказчик — граф Эммануил Карлович Сиверс (1817–1909), сенатор и обер-гофмейстер Высочайшего двора, в 1856–1876 гг. — директор Главного управления духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, сын умершего к тому времени покровителя юного Келера. В 1857 г. гр. Э. К. Сиверс пожертвовал деньги на создание нового алтаря для средневековой церкви конца XIII – начала XIV вв. Для него и было заказано Келеру «Распятие». Картина была выставлена в Риме в 1859 г., и художник был избран членом Римского общества немецких художников. Это было первое произведение художника-эстонца, выставленное за границей, и первое, подписанное Келером с прибавлением к своей фамилии указания на происхождение — «Вилианди» (см. об этом: Väike Kõleri sõnastik. Lk 72–73). За него автор был удостоен в 1861 г. звания академика АХ.

В Париже писал я еще головку астронома Галилея⁹³, просто фантастическая головка, старик попался хороший, француз. Я и написал с него. Это было уже в 1858 году, потому что я осенью 1857 года вернулся в Париж и провел там зиму. Зимой со мной в Париже чуть беда не случилась. Шел я раз мимо большой оперы и заметил, что необыкновенно яркое освещение было, я спросил, почему ж такое яркое освещение? и получил в ответ, что император проедет. Хотел я сначала остановиться, посмотреть на него, но так его личность не была мне симпатична, подумал не стоит того, чтобы останавливаться и ушел. Только что повернул за угол, как услышал грохот и подумал: «Что это за представления происходят в опере с такими выстрелами?». На другое утро я узнал, что была брошена бомба в Наполеона III, и потом видел, что стены в зданиях, стоящих на довольно далеком расстоянии от места взрыва, были разбиты, так что если бы я был любопытнее, то Бог знает, что бы со мной было. Бомба в Наполеона была брошена в январе или в феврале месяце, это произвело в Париже большие скандалы, была после этого совершена торжественная казнь над Орсини, который бросил бомбу, и еще кого-то другого тогда казнили⁹⁴.

В Париже я стал продолжать брать уроки французского языка. Вообще я старался приобрести хороший выговор, усвоить хорошее произношение. Тут же я стал учиться и италянскому языку у италиянца Лакони, не помню право, сколько я платил за уроки. В Париже было много товарищей моих, как-то: Чернышов⁹⁵, Лагорио, Рахау⁹⁶ (он уже умер), Сверчков⁹⁷, Клод⁹⁸;

⁹³ «Галилей», или «Старик с глобусом», 1858. Хранится в Государственном музее изобразительных искусств Республики Калмыкия, Элиста.

⁹⁴ Покушение на Наполеона III (1808–1873, император с 1852 по 1870 гг.) было совершено 14 января 1858 г. итальянскими революционерами, боровшимися за объединение Италии и стремившимися к уничтожению империи Наполеона. Во время покушения три бомбы взорвались на Театральной площади с интервалом в несколько секунд, 10 человек были убиты и 150 ранены. Наполеон не пострадал и отправился в театр, чтобы предотвратить распространение слухов. Террористы были арестованы в тот же день. Феличе Орсини (1819–1858) был казнен 13 марта. С ним вместе был казнен другой участник заговора — Пьерри. Келер не симпатизировал императору (племяннику Наполеона I), пришедшему к власти в результате революции 1848 г., затем — государственного переворота 1852 г. и воевавшему против России в Крымской войне.

⁹⁵ Чернышев Алексей Филиппович (1824–1863) — живописец-жанрист. Пенсионером Общества поощрения художников поступил в АХ, которую окончил в 1851 г. Получил большую золотую медаль и пенсионерскую поездку в Италию (1853). В Риме тяжело заболел, почти не мог работать. Вернулся в Петербург в 1860 г., получил звание академика. Умер в лечебнице для душевнобольных.

Годун тоже был, который обещал раз ссудить меня деньгами на короткое время, но на назначенное свидание не явился и, вероятно, раскаивался, что обещал мне. Мне это было очень обидно перенести от Годуна, как от товарища, тем более, что он знал, что пользуется теми деньгами, которые скорее мне принадлежали, чем ему.

Огорчение, которое я получил по поводу медали в Петербурге и которое заставило меня поехать за границу, дало мне возможность поправить мои расстроенные силы в Париже. В парижских весельях я участие не принимал и как только окончил «Распятие» и отправил его, я поспешил оставить Париж. Я писал потому в Париже «Распятие», что хотел потом посетить Рим, чтобы там уже серьезно заняться, и поспешил оставить шумный Париж, который нисколько не привлекал меня, так как я люблю больше природу.

Из Парижа поехал я на воды в Глейз-Вейлар⁹⁹, у подножия горы Хофто. Там мне больше помогло гулянье по горам, чем водное лечение. Сначала у меня едва сил хватало подняться до половины гор, приблизительно тысяча футов вышины, а после я уже ежедневно поднимался до верху гор, и часто там я целые часы лежал на вереске и мечтал и зубрил италийскую грам-

⁹⁶ Рахау Карл Карлович — потом академик архитектуры. Учился в Академии одновременно с Келером, получил большую золотую медаль и право пенсионерской поездки за границу в 1857 г. за проект высшего театрального училища и театра при нем (см.: Петров. С. 282).

⁹⁷ Сверчков Владимир Дмитриевич (1821–1883) — живописец; автор росписей по стеклу и витражей. Окончил Институт корпуса горных инженеров (1838), служил в Гельсингфорсе. После выхода в отставку учился живописи в Петербурге, Риме, Мюнхене. В 1849–55 гг. — вольноприходящий ученик АХ. В 1855 г. получил большую золотую медаль, звание классного художника и пенсионерскую поездку. В 1857–62 гг. был пенсионером АХ в Париже и Германии. Жил в Германии и Италии, умер во Флоренции, но наездами бывал в России. См.: Русские живописцы XVIII–XIX вв. Биографический словарь. СПб., 2008. С. 547–548.

⁹⁸ В 1850-е гг. в АХ учились два Клодта: 1) Клодт (Клодт фон Юргенсбург) Михаил Константинович, барон (1832–1902) — племянник скульптора П. К. Клодта, художник-пейзажист. Вопреки воле родителей поступил в АХ, учился в 1851–1858 гг., по окончании получил большую золотую медаль, звание классного художника и пенсионерскую поездку за границу. С 1862 г. — академик, с 1864 — профессор. Способствовал открытию в АХ пейзажного класса, с 1873 по 1886 гг. был его руководителем. 2) Клодт (Клодт фон Юргенсбург) Михаил Петрович, барон (1835–1914) — сын скульптора П. К. Клодта, двоюродный брат пейзажиста М. К. Клодта. Видимо, этого Клодта Келер называет своим товарищем, т. к. он учился в АХ с 1852 г. в классе проф. А. Т. Маркова. В 1857–1860 гг. на свои средства жил и учился во Франции. Большую золотую медаль, звание классного художника и пенсионерскую поездку от АХ получил за картину «Последняя весна» (1861). С 1867 — академик. В 1870 г. стал одним из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок. Преподавал в рисовальной школе АХ, в училище бар. Штиглица, в 1860-е гг. давал уроки великим князьям Сергею и Павлу Александровичам.

⁹⁹ Gleisweiler — популярный курорт на юге Германии, называемый «пфальцская Ницца».

матику по методу Оллендорфа¹⁰⁰, о которой один тамошний профессор сказал, что «этот учебник годен только для сапожников». Но я на это отвечал: «Положим, я не буду сапожником, но убежден, что когда буду в Италии, то буду в состоянии говорить по-италиански, а вы со своей профессорской грамматикой наверно не смогли бы так ловко и скоро найти слова, которые там нужно». Когда я поехал в Италию, то уже умел говорить.

В Глейз-Вейларе познакомился я с немецким художником, который работал там для Парижа. Писал он маленькие пейзажики, без натуры, от 5-ти до 25-ти франков за штуку, и этой работой он нажил себе целый дом с садом, и жил со своим семейством вполне хорошо.

Силы у меня прибавлялись очень скоро, так что я начал и с другими делать экскурсии к развалинам Трифлиса¹⁰¹.

Тут один англичанин из нашего общества стал поднимать большие камни и бросать их со всей силы на башню, в которой был когда-то заключен английский король Ричард Львиное Сердце. Я спросил: «Что вы делаете?», он мне не ответил и опять изо всей силы бухнул камнем в башню. Я думал, что он хотел разрушить эту башню, в которой был заключен их король, но, однако же, оказалось, что желание англичанина было более невинное, башня осталась цела, а англичанин хотел только отбить маленький кусочек этой башни и взять с собой на память, ведь англичане это любят.

В Глейз-Веларе мне представилась опасность в виде темных глаз одной 14-летней голландки, с которой я писал портрет. Мне казалось, что эта страсть сильно может увеличиться, и чтобы отделаться от нее, я нарочно старался быть смешным, чтобы вызвать к себе неуважение, и таким образом я освободился от этой страсти.

После двухмесячного лечения я чувствовал себя довольно сильным, и было время уже отправиться в путь, так как мне хотелось ехать в Мюнхен, чтобы присутствовать там при праздновании 700-летнего юбилея города Мюнхена¹⁰². Немцы удивительные мастера в отношении устройства праздников. Они устроили громадную процессию из групп, представляющих все 7 веков. Костюмы были на них не театральные, а действительно солидно сшитые и выбраны художественно по колерам, так что процессия была невиданная, и, как видно было, и сами участники наслаждались ею вполне.

¹⁰⁰ Оллендорф Генрих Готфрид (1803–1865) — автор популярных учебников различных иностранных языков в форме диалогов-упражнений.

¹⁰¹ Имеется в виду крепость (замок) Трифельс (Reichsburg Trifels), где в течение трех недель в марте–апреле 1193 г. содержался в плену король Ричард Львиное Сердце. В XIX в. замок был частично реставрирован и перестроен.

¹⁰² Мюнхен впервые упоминается в документах в 1158 г.

Вечером был банкет. Церемония принятия гостей была в костюмах 16 столетия, так что трубачи и герольды объявляли каждый раз о прибытии гостей, т. е. таких гостей, которые участвовали в процессии, как, напр., император Людвиг Баварский¹⁰³, который прибыл со своей свитой и пажами. Любопытно было видеть, как относился на банкете настоящий король баварский с императором — королем церемонии. Банкет этот был очень интересный, все лица, которые участвовали в процессии, видимо от души веселились. Тут были и два настоящих короля: экс-король Людвиг и тот, которому он передал свой престол после революции¹⁰⁴. Я в Мюнхен приехал как раз на праздник, но много говорится о немецкой аккуратности, но ее нельзя было заметить в отношении поездов железной дороги, которые постоянно опаздывали. Из Глейз-Велара до Мюнхена всего 16 часов нужно проехать, а я проехал двое суток, и вовсе не нашел там такой аккуратности, как говорят.

Королю Людвигу Мюнхен обязан большою деятельностью мюнхенских художников. Удивляться нужно, как Людвиг мог с такими относительно малыми средствами настолько изменить даже вид города. Мюнхенцы оттого не любили его, что у него была Лола Монтеc¹⁰⁵. Людвиг был хороший человек, и если его сменили, то это был просто денежный вопрос и больше ничего. Людвиг относительно Мюнхена много сделал, такое маленькое государство — и столько строений.

Мюнхен остался до сих пор центром искусства в Германии. Мюнхенцы оттого не любили Людвигу, что он *слишком* много сделал для такого маленького государства.

Из Мюнхена мы вместе с Боком поехали через Швейцарию в Милан¹⁰⁶. От озера Четырех Кантонов¹⁰⁷ мы хотели идти пешком через Сент-Го-

¹⁰³ Имеется в виду костюмированный «император», исполнявший роль Людовика IV Баварского, короля Германии (с 1314 г.), императора Священной Римской империи (1328–1347).

¹⁰⁴ Людвиг I (1786–1868), из династии Виттельсбахов — король Баварии в 1825–1848 гг. Его называли королем-меценатом, в его правление Мюнхен стал культурной столицей Германии. Привлекал в страну ученых, писателей, художников, архитекторов, способствовал строительству железных дорог. В ходе революции отрекся от престола 20.03.1848 в пользу сына Максимилиана II (король Баварии в 1848–1864 гг.).

¹⁰⁵ Элизабет Розанна (Элиза) Джилберт (1821–1861), по первому мужу Джеймсон, гастролировавшая по Европе как исполнительница испанских танцев под именем Лола Монтеc. Ее поклонниками были Бальзак, Т. Готье, Дюма, Вагнер, Лист и мн. др. В 1846 г. нее страстно влюбился пожилой баварский король Людвиг I, дал ей титул графини Ландсфельд, построил для нее роскошный дом в центре Мюнхена, назначил большую пенсию. Скандал вокруг Лолы явился одним из поводов к отречению Людвигу от престола.

¹⁰⁶ В письме Келера к Н. П. Грот из Рима от 21.04/3.05.1859 г. маршрут уточнен. Ср.: Письма. С. 28–29.

тард¹⁰⁸. По дороге из гостиницы, где мы остановились, я вышел немножко порисовать. Бок ждал меня, ждал и, думая, что я отправился по дороге (это была большая дорога, проезжая), пустился за мной в путь. Когда я это узнал, я потерял надежду догнать его, потому что он любил ходить скоро и, тем более, что он меня же хотел догнать, и из этого вышло то, что я остался один в этой суровой природе.

Погода была дождлива, ветреная, река бушевала между скалами, так что на одного эта грандиозная природа действовала в сто раз сильнее, чем тогда когда быть в обществе. В сущности, я своим настроением был очень доволен. Я осмотрел Чертов мост, вспомнился Суворов¹⁰⁹. При осмотре этого моста нельзя понять, как через него могло пройти русское войско и пушки. Это просто кажется невероятным, глядя на эту узенькую <sic> дощечку, перекинутую с одной стороны на другую, а там, под этим мостом бушует бездна, и если кто попадет туда, то от него останутся одни куски. Вода под мостом падает так, что поднимается водяной туман или пар наверх, так что при лучах солнца являются радужные лучи. Там теперь есть новый мост, а старый Чертов мост все сохраняется под новым, но я по старому мосту не решался переходить.

Там я осматривал еще знаменитый Унзер-ло¹¹⁰, о котором писал Гете, знаменито тем было, что тут было прорублено в виде туннеля, но теперь, во время нынешних железнодорожных туннелей этот туннель, существующий на безделечном расстоянии, никакого значения не имеет, но во время Гете — он был очень знаменит.

В Фан-дер-Матер я нашел своего друга Бока. Отдохнув до другого дня, утром мы были неприятно поражены новым явлением, которое преградило наше дальнейшее путешествие — шел снег, страшнейшим образом. Я хотел все-таки выждать несколько дней, чтобы пройти пешком через перевал, но

¹⁰⁷ Люцернское озеро, или Фирвальдштеттерзее в центральной части Швейцарии.

¹⁰⁸ Сен-Готар — самый важный горный перевал Швейцарских Альп длиной в 32–48 км, шириной 10–12 км. Высота 2 106 м; южный склон его крутой, северный отлогий.

¹⁰⁹ Чертов мост (нем. *Teufelsbrücke*) представлял собой узкую каменную арку длиной около 25 м, переброшенную через ущелье на высоте 22–23 м над бурной рекой Рейс. Он обеспечивал путь к перевалу Сен-Готар. В 1799 г. в ходе Швейцарского похода русские войска под командованием Суворова с боем перешли через этот мост. Первые части переправились через разрушенный французами мост, связав офицерскими шарфами доски от разобранного сарая. Для переправы основных сил мост был отремонтирован более капитально. В 1830 г. рядом со старым был построен новый мост, который тоже стал называться Чертовым.

¹¹⁰ Т. е. Урзерн-лох, или *Урзернская дыра* — туннель шириной около трех метров, длиной около 60 м, ведущий от деревни Урзерн к Чертову мосту. Уточнение швейцарского маршрута и некоторые дополнительные детали см. в письме к Н. Грот из Рима 21.04/3.05.1859 (Письма. С. 28–31).

Бок был нетерпелив, он ждать не хотел и взял билет на почте. Я не желал остаться тут одним, поневоле должен был делать то же. Вверху на перевале было уже так холодно, что стекла кареты замерзли, ничего не видеть, слышен только один свист ветра.

Доехавши до спуска на южную сторону, к вечеру, увидели бесконечно темно-серую пропасть, и Бок уже стал раскаиваться, что сел в почтовую карету, так как при каждом повороте просто дух захватывало. Карета была полная, в ней было человек шесть. Были сумерки. В Швейцарии едут быстро, а ехать нужно было вниз, я хотя и не боюсь, но а тут было страшно, тут поворот, а тут и конца нет пропасти, если бы случилось какое-нибудь несчастье — то гибель была бы наверная. Пешком тут идти ничего, а ездить страшно. Если бы там поехали русские, и у них, как это часто случается при их небрежности, лопнуло бы что-нибудь — тогда бы кувыркком, и туда...

Прочие путешественники, так же как и мы, не смотрели на дорогу, отворачивались, так было страшно. Кроме того было ужасно тесно сидеть, а сидеть в экипаже пришлось 12 часов сряду. Вот тут и пришлось мне первый раз заговорить по-италиански, соседка была молодая римлянка, я заговорил, и ничего — вышло сносно. Бок меньше меня умел говорить по-италиански.

В 12 часов ночи наконец мы доехали до Бенинсона¹¹¹, и спустившись немножко ниже, там вместо снега был уже дождь и гроза (месяц был октябрь). На другое утро мы отправились пешком. Погода была прелестная, солнце ярко светило, тепло (это мы на юг приехали, здесь в октябре еще бывает хорошая погода).

Я уговаривал Бока подняться еще близ дороги на гору Монте-Ченере¹¹², чтобы насладиться видом на все стороны. Бок на это согласился. Шли мы без дороги, гора не очень крутая была, травой покрыта. Мы шли скоро, Бок устал немножко, но я говорю: «Ты сиди здесь, а я туда поднимусь на высоту, а ты потом подходи ко мне». Шел я четверть часа, Бока нет, и другую и третью четверть часа, а Бока все нет, и наконец добрался я до вершины. Шел я целый час до верху горы. Верхушка горы была покрыта снегом, дул сильный ветер, так что я выбрал сторону под ветром. Здесь вид был чудесный, но долго один здесь все-таки не выдержал. Ждал Бока,

¹¹¹ Точнее: Беллинцона — город в южной части Швейцарии, где жители говорят по-итальянски, главный город кантона Тичино. В средние века принадлежал миланским герцогам. Ср. в письме к Н. П. Грот: «Совершенно разбитые, мы прибыли в Bellinzona a mezzo notte, написал по-итальянски, т. к. это было первое место в Италии, где мы остановились» (Письма. С. 30).

¹¹² Монте-Ченере — гора высотой в 553 м. в кантоне Тичино, на границе с Италией.

крикнул ему, ответа не было, опять ждал, не идет ли, наконец вижу, что вечер уже наступает, пора спускаться с гор.

Видя отсюда дорогу и местность, где мы предполагали ночевать, я прямо направил туда свои шаги и больше спускался бегом, прыгая через маленькие камни, в самом веселом расположении духа, хотя и один был. Ниже я увидел какие-то хижинки, возле одной из них я увидел старушку, и чтобы сказать что-нибудь, я спросил, куда идет эта дорога. И старушка показала мне в ту сторону, куда я и направил свой путь, она говорила каким-то смешанным языком, не то италианским, не то французским¹¹³. Потом я продолжал свой путь. Мне опять тут подвернулись трое молодых людей, и я опять так, из учтивости, спросил их о дороге, и они опять так говорили, что я их не понял, и продолжал свой путь, но они вскоре начали кричать. Я думал: «Что же они хотят?» — и стал удирать скорее, но они пустились за мной с собаками, к несчастью, тут гора была довольно крута, так что скоро идти было нельзя. Они начали на меня кидать сверху камнями, которые прямо не долетали до меня, но, падая и делая рикошет, пролетали мимо, только что я не мог больше продолжать путь. Для охраны жизни я должен был повернуть назад, чтобы видеть, откуда камни летят, так что иногда надо было прыгнуть направо, иногда налево, то нагибаться приходилось. Я думаю: «Что делать? — уйти нельзя, а надо попробовать против них идти». И вот приняв вид, что у меня есть какое-нибудь оружие, я пошел прямо против них. Приближаясь к ним, я кричал им, чего они от меня хотят, они кричали мне в ответ что-то непонятное и указывали рукой налево, чтобы я шел туда, я и направил после этого свои шаги налево. Тут я скоро дошел до места, где скала была кверху отвесна, а для них этот верх, разумеется, должен был быть равен, поэтому-то я боялся, что они направятся туда, чтобы оттуда и бросать в меня камни. Тут я прибавил шагу, чтобы миновать этот уголок, но их не видал. По этой дороге я попал в другую долину, и я должен был очень скоро бежать, чтобы не остаться на ночь в горах.

На большой дороге я нашел Бока, который меня уже ждал, он осмотрел гостиницу, и она ему показалась очень нечистоплотной, он спросил меня, что я на счет этого думаю? Я отвечал ему на это, что прежде нужно поужинать, а потом уже осмотреть ее. Я рассказал свою историю в харчевне, и мне там сказали, что эта гора не славится хорошей репутацией, потому что там бродят контрабандисты, и, встретя меня, они, вероятно, приняли меня за лазутчика, который послан был узнать их склады. Если бы они хоте-

¹¹³ Видимо, подразумевается ретороманский язык. В письмах Келер говорит о смешении немецкого и итальянского.

ли меня убить, то отлично могли бы это сделать, так как их было трое, вооруженных, с собаками, а я был один, без всякого оружия, но они, вероятно, хотели только, чтобы пошел в другую сторону. Спать нам не хотелось, и мы, подкрепившись едой, решили продолжать путь ночью, потому что вскоре должна была быть по дороге хорошая гостиница, где можно будет пообедать. Уже темнело. Мы шли, оружия с нами не было, да и вообще кроме плаэдов <sic!> ничего с нами не было, все вещи, чемоданы были посланы вперед.

Наконец стало так темно, что едва заметна была дорога. Гостиницы не было. Мы начали проклинать, что отправились, и так мы, едва таская ноги, дошли до какой-то ветхой гостиницы, где под воротами, освещенный огнем от фонаря, стоял какой-то италианец черный, как его шляпа, и смотрел совсем разбойником. Бок спросил меня, что тут делать? — «Войти туда, — отвечал я, — так как уйти мы не можем, потому что он нас видел, и если он нам желает сделать что-нибудь дурное, он может это, потому что мы не можем уйти с нашими усталыми ногами, и поэтому лучше войти, пусть будет что будет». Вошли в гостиницу, и нашли старика добродушного с мальчиком. Спросили что-нибудь поесть. Он предложил нам сделать омлет (яичницу). Кухня была перед нашими глазами, так что мы видели, как он готовил. Бок говорил: «Не могу есть, это грязно». Я думал: «Мы же идем в Италию, где известно неопрятность, а с голоду нельзя умирать», и я преспокойно ел свою яичницу. Потом повели нас в спальню <sic>, через старинные, полуразрушенные коридоры, и наконец указали нам кровать, широкую, где мы могли лечь оба вместе, и как угодно, вдоль или поперек. Хотели покрепче запереть дверь, но, увы, это сделать не было никакой возможности, до того была дверь испорчена. Мы поставили стул перед дверью, и никто из нас не спал, и как только утром немножко свет показался, и мы — вон отсюда, на улицу, и завтракали уже в Луганах¹¹⁴, куда мы пришли пешком, голодные.

Это все было в 1858 году. В Луганах мы были недолго. Переехали озеро на пароходе, а потом опять пошли пешком. Тут на озере Лаго де Комо забылись все наши неприятные впечатления, и особенно при виде Лаго-де-Гарди¹¹⁵ (это было в северной Италии). В Милане мы осмотрели собор из белого мрамора¹¹⁶. Молодые ноги на этот раз стремились вперед,

¹¹⁴ Лугано — город в Швейцарии на берегу одноименного озера.

¹¹⁵ Озера на севере Италии: Комо (Lago di Como) — третье по величине, Гарда (Lago di Garda) — самое большое озеро Италии.

¹¹⁶ Знаменитый готический Миланский собор (Duomo di Milano), третий по величине в Европе, начал строиться в 1386 г., строительство продолжалось вплоть до XX в.

на башни. По дороге нас поражало, везде на лестницах были надписи, мы удивлялись, читая их, как это могут быть в церковных стенах такие надписи.

Мне не описать все башни собора, это лучше сделают другие, но этот собор производит необыкновенное впечатление.

Оттуда мы отправились в Геную, чтобы сесть на пароход. Лунная ночь была очаровательна и прежде нами никогда не виданная, до такой степени было тихо и тепло, так что переезд до Ливорно был прогулкой, наслаждением.

В Ливорно мы неожиданно встретили Неффа (теперь он уже умер), едва ли он дал докончить поклон, как начал хвастать, какие он все статуи мраморные заказал себе в Риме. Но впоследствии мы узнали, как он заказывал эти статуи. (Мы это узнали от тамошних скульпторов, познакомившись с ними). Нефф, хвастая своими связями при петербургском дворе, уговорил скульпторов сделать ему работы дешевле, обещая потом достать большие заказы от Дворов <так!>. Это ему удалось вполне, и он хотел еще воспользоваться дешевыми трудами этих художников, чтобы заслужить у В.<еликой> К.<нягини> Екатерины Михайловны¹¹⁷, и он заказал им статуи сделать для нее, как будто бы еще для себя, чтобы они дешевле взяли. Однако ж как-то скульптор Фосс¹¹⁸ узнал об этом, что эти хорошие заказы окончились таким печальным образом. Устроили после этого Неффу сцену, невообразимо неприятную, так что пошли в ход слова, которые передать неудобно (говорили по-немецки). Мне рассказывали в Ревеле, Нефф там писал «Ангелов на гробе Господнем», — так ему нужны были крылья, а в Ревеле он жил у какой-то хозяйки, он ее и попросил гуся на рынке купить, та купила, вот он и хотел воспользоваться гусем и пригласил гостей. Хозяйка, разумеется, устроила все так, как нужно было для приема гостей, ну а потом Нефф ничего своей хозяйке не заплатил, и так он на счет своей хозяйки угостил своих гостей. В Риме он пригласил своих старых прежних знакомых в ресторацию, самую лучшую, где действительно хорошо кормят. Те приехали, обедали там, когда кончили, то Нефф, после, при них же стал торговаться за обед. Гостям это, конечно, было очень неприятно, они заплатили сами и ушли, одни рассказывают так про это, а другие говорят, что он пригласил их обедать, а они должны были за все заплатить.

¹¹⁷ Великая княгиня Екатерина Михайловна (1827–1894) — племянница императора Николая I, дочь великого князя Михаила Павловича, после замужества в 1851 г. — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая. Жила с мужем и детьми в Петербурге и имела свой двор.

¹¹⁸ Возможно, имеется в виду Фосс Ханс Вильгельм (1817–1892) — скульптор по дереву.

21 Марта3. Продолжение биографии г. Келера

После осмотра художественных примечательностей Флоренции, мы с Бомом продолжали путь из Ливорно в Чевитовекио¹¹⁹, только теперь ночь оказалась для нас не так очаровательна, как при переезде нашем из Генуи в Ливорно.

Поднялась буря, она была так жестока, что все предметы в каюте катились из стороны в сторону, свет погас, и с палубы был слышен страшный шум, перекачивание с боку на бок цепей и разных других предметов, так что казалось, что пароход ежеминутно разламывается. Воздух в каюте был для меня невыносим, и я кое-как на четвереньках вскарабкался наверх, на палубу, там судорожно схватился за борт, спиной приперся к выступающему краю, и в такой позиции провел все время, так что волны часто обкачивали меня, но болезнь моя была так страшна, что к жизни я относился довольно равнодушно. При полной темноте и фосфорировании волн воображение мне представляло разных нимф и т. п., но наконец к утру мы были близ Чевито-векио, но войти в порт все-таки не смели, покуда буря не уменьшилась. И когда мы прибыли в город, то сделалось уже холодно, так что Чевито-векио, и без того уже некрасивый город, показался мне, промокшему и дрожащему от холода, еще неприятнее. В тот же день мы по почте отправились далее, в Рим, и приехали туда поздно ночью.

В Риме мы увидели кое-где снег, чего уже никак не ожидали здесь видеть. Высадили нас на улице, в Якондате <?>. Трудно было нам в такой темноте и без всякой помощи отыскать какое-нибудь пристанище. В гостинице, в которой мы, наконец, поместились, было очень холодно, так что первое впечатление, произведенное на нас Римом, — было полное разочарование в нем. Как обдало нас здесь холодом в прямом смысле, так и насчет художественных произведений, при осмотре галереи, хотя и превосходной, но мы ожидали увидеть в ней гораздо большее.

Но как бы то ни было, мы постарались здесь устроиться возможно удобнее, наняли на Весетине¹²⁰ мастерскую и, разумеется, постарались поставить печку, а то совершенно невозможно было работать, спать было, хоть неприятно, но все-таки возможно, при замерзании воды в комнате, таков был холод в мастерской, подобного я в Петербурге никогда не испытывал.

Раз был случай такого рода: проснулся я утром и нашел окна вспотевшими, но так как в комнате было свежо, то я изумился, каким образом стек-

¹¹⁹ Чивитавеккиа (Civitavecchia) — город-курорт на Тирренском море.

¹²⁰ Искаженное: Via Sistina — улица в Риме, где жили многие русские художники.

ла могли вспотеть? Оказалось, что стекла были вспотевши не изнутри, а снаружи, потому что в это время дул теплый южный африканский ветер, так что на улице и было теплее, чем в комнате.

Здесь в Риме из первых работ моих было «Лев с мальчиком» по новелле Гете¹²¹. Меня соблазнил принять этот сюжет прелестный лев, бывший тут в зверинце. Кроме этого я писал еще здесь мелкие вещи, как-то чучаре¹²², то мальчика, то девочку, и кончил «Распятием», которое затеяно было еще в Париже.

Никогда не занимавшийся акварелью, я в Риме первый раз начал практиковаться в этом, в костюмном классе, где каждый вечер по два часа сидели модели в разных костюмах Италии. Я довольно скоро привык к этим краскам, так что иные спрашивали меня, какими красками я пишу, им казалось, будто бы я имею особенные краски.

Из этих акварелей купила несколько В.<еликая> К.<нягиня> Мария Николаевна, при своем посещении Рима.

В одно утро, в кафе Греко¹²³, известный художник рассказывал в комическом духе присутствующим, как один русский художник хвастался перед В.<еликой> К.<нягиней> Марией Николаевной своим скорым писанием, он говорил, что целую фигуру в два часа написал. Я сейчас же заметил, что это я послужил ему темой для рассказа, и сейчас же поправил рассказчика, говоря, что вовсе не хвастался перед В.<еликой> К.<няги>-ней, и говорил ей, что в два часа написал фигуру для оправдания себя, что не лучше окончил ее вследствие того, что так скоро написал. Это все тем более ясно, что В.<еликая> К.<нягиня> нашла рисунки в два часа сделанные хорошими, но она спросила потом, нет ли у меня других, в 4 часа нарисованных. Я, говорю, есть и такие, и именно из этих В.<еликая> К.<нягиня> и выбрала.

После этого В.<еликая> К.<няги>-ня посещала мою мастерскую на Вио-Маргут¹²⁴, она очень интересовалась всем, что я ей показывал. Сидела она

¹²¹ Картина Келера «Лев и мальчик» (1859). Написана по мотивам поэмы Гете «Новелла», впервые опубликованной в 1828 г., о силе добра и искусства — о мальчике, который игрой на флейте укротил льва, вывел его из пещеры, вынул у него из лапы занозу.

¹²² Искаженное «чочара»/ «чочар» — обозначает жителя Чочарии (*Ciociarìa*), т. е. из Римской провинции. Картины, включающие это слово в название, довольно многочисленны у художников, работавших в Риме. У Келера есть несколько картин, изображающих итальянок (римлянок) и итальянцев, итальянских детей, не ясно, какие именно свои работы он здесь подражает.

¹²³ Caffè Greco — известное кафе на улице Кондотти (*Via dei Condotti*, 86), рядом с Испанской площадью (*Piazza di Spagna*), основанное в 1760 г., где бывали все знаменитости, посещавшие или жившие в Риме.

¹²⁴ *Via Margutta* — улица в Риме недалеко Испанской площади.

на низенькой скамейке, перед мольбертом, осмотрела все эскизы и видела оконченное «Распятие». Я попросил ее поправить дело о медали, то В.<еликая> К.<нягиня> и советовала мне послать «Распятие» в Петербург в академию, на золотую медаль¹²⁵. Но я отвечал, что так как «Распятие» хотя и написано, но правила конкурса не были мною приняты, то поэтому я считаю не вправе послать его на выставку, но только желал бы, чтобы академия была справедлива за прежние работы мои, которые окончены по всем строгим правилам академии; но прошение все-таки было представлено академии, но совет отклонил его снова. Итак, моя личная гордость отняла у меня очень нужные средства для поправления здоровья и занятий художественных.

Несколько времени позже я в раздумье, смотря вниз, шел по Вио-Кватро-Фонтане¹²⁶. Вдруг слышу «Куда вы, любезный?» — я поднял глаза, и рядом со мной оказалась сидящая в карете В.<еликая> К.<нягиня>. От этого неожиданного вопроса я сконфузился, смотрел на соседку В.<еликой> К.<нягиня>-ни (с ней вместе была фрейлина). В.<еликая> К.<нягиня>-ня засмеялась — «Не знаете ли вы, где живет Корнелиус»¹²⁷, — спросила В.<еликая> К.<нягиня>-ня. Я говорю, что не знаю, и удалился, оставив ее тут, где она меня остановила.

После я вспомнил, что знал адрес Корнелиуса, но в ту минуту, как меня об этом спрашивали, я положительно ничего не мог сообразить, так растерялся. Тем более это вышло смешно, что прежде уже В.<еликая> К.<нягиня> сожалела, что некого из русских молодых художников реко-

¹²⁵ О посещении великой княгиней Марией Николаевной его мастерской, о их беседах и о добром отношении к нему президента АХ Келер пишет и в письме к Н. Грот от 21.04/3.05.1859 (Письма. С. 32). Там же он подчеркивает, что завел разговор о несправедливом распределении медалей не столько ради себя, сколько для будущих студентов, и выражал надежду на то, что президент сможет поправить дело. В письме к Н. Грот из Рима 19/31.12.1860 художник вновь возвращается к визиту великой княгини в его мастерскую, выражая опасения, что, поскольку был очень утомлен, произвел на нее неблагоприятное впечатление. Келер даже просит корреспондентку разузнать у доктора Гартмана, не слышал ли он каких-то отзывов о нем (Письма. С. 34).

¹²⁶ Via Quatro Fontane — улица Четырех Фонтанов.

¹²⁷ Петер Йозеф фон Корнелиус (Peter Joseph von Cornelius, 1783–1867) — немецкий художник, член «Союза Св. Луки», или кружка «назарейцев» — товарищества немецких художников, посвятивших себя религиозному обновлению искусства. В 1820-е гг. был приглашен королем Людвигом Баварским в Мюнхен, где возглавил Академию художеств. Написанные им в Мюнхене фрески на античные сюжеты и «Страшный суд» в церкви св. Людвига (1836–1840) считались образцовыми произведениями немецкого академического искусства. В печатном тексте описано посещение Келером Корнелиуса в Берлине, на обратном пути из Италии в Петербург. Разговор окончился спором о Гарибальди, которому Келер сочувствовал, а Корнелиус — нет (см. подробнее: РС. 1886. № 11. С. 349).

мендовать Корнелиусу и Овербеку¹²⁸, потому что во мне она не нашла уважения к работам великих мастеров немецких, как она того ожидала. Я не имел слишком высокого понятия о этих мастерах, потому что, напр., Корнелиус действительно имеет величие в своих сочинениях, но это величие он достигает более театральными средствами, утрированием, так что иногда перспектива выходит, что где должна быть одна сажень, там у него выходит по крайней мере 5ть, так что случается в его сочинениях, что голова человека бывает перевернута на спину, нога часто выходит из живота, вообще его рассудок хромает сильно, так что я слышал от италианцев, что они не понимают рисунка Корнелиуса, что это должно быть мускулы форестьеры¹²⁹ на его рисунках, т. е. иностранные мускулы. Так Корнелиус плохо знает анатомию. Его сочинения только в маленьком виде, вроде эскизов, сносны, где ошибки не так заметны. Колорит у него невозможно плох, так что его красками в большом виде написанные предметы, как, напр., в Мюнхене в Людвигс-кирхе его Страшный суд, он испортил его вполне своими негармоничными пестрыми красками.

Овербек слишком в другую сторону уклоняется, у него не живые люди выходят, а какие-то туманные образы, хотя иногда и довольно грациозные фигуры бывают¹³⁰.

Жизнь художников зимою в Риме главным образом состоит в том, чтобы работать в мастерской, осматривать галереи, развалины, вообще окружность Рима, на лето уезжают, оставляют Рим, как слишком жаркий город, а уезжают оттуда к морю или в горы. Когда я первое лето жил в Риме, то всегда чувствовал потребность ходить по солнечной стороне улицы, а не

¹²⁸ Иоганн Фридрих Овербек (Johann Friedrich Overbeck, 1789–1869) — немецкий художник, проживавший в Риме с 1810 г. и оказавший влияние на развитие как немецкой, так и итальянской живописи 1820–30-х гг. В 1813 г. перешел в католичество. Глава и «патриарх» «назарейцев». Наименование это не являлось самоназванием группы и первоначально имело иронический оттенок, отсылая к прическе (длинные волосы) и костюму (черный берет и плащ), который ввели в моду члены кружка. Позже они сделали общими для всех художников, живших в Риме. Творчеством Овербека увлекался В. А. Жуковский (см.: Джулиани Р. «Прогресс по Риму» Гоголя и Жуковского // Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования. М., 2009. С. 45–47). Восторг Жуковского перед «назарейцами» и, в особенности, перед Овербеком воздействовал и на вкусы царской семьи, члены которой купили немало картин немецких религиозных художников. Позиция вел. кн. Марии Николаевны, засвидетельствованная Келером, отражает эту ситуацию. К 1850-м гг. искусство «назарейцев» уже отошло на второй план в контексте европейской живописи.

¹²⁹ От итальянского *forestiere* — иностранец, приезжий.

¹³⁰ Приведенные здесь мнения о немецких художниках несколько отличаются от выраженных в печатном тексте, но критический тон сохраняется. Ср.: РС. 1886. № 11. С. 347.

по противоположной, там, где тень. Вообще не мною одним замечено, а многими другими, что в первое пребывание в Риме не чувствуешь особенного жара, но спустя два года после моего приезда в Рим, и я наконец стал ходить по той стороне улицы, где тень, а сначала, первые два года, мне приятнее было ходить по солнечной стороне.

В 1859 году, в августе месяце, мы опять с фон Боком поехали на пароходе в Неаполь. Не стану описывать величественный въезд в Неаполитанский залив, с его Везувием, луной и с утренним освещением, скажу только, что это против Рима, где все так серьезно и где труднее понять красоты его, зато в Неаполе грандиозность более декоративная, которая каждого сразу поражает.

Попали мы в Неаполь в то время, когда извержение Везувия уже давно было забыто; но вечером, в тот же день, мы заметили, что на Везувии много огней, и спросили, что это такое? — нам сказали, что это извержение. Это нам было очень приятно слышать, и мы поехали поскорее осмотреть его ближе, так как это извержение было сбоку горы и тихое, значит было вполне безопасно. Но приближаясь к месту извержения, картина, однако же, вышла все-таки ужасная. Мрачная лава лилась очень медленно, приближаясь к дереву, которое начало трепетать, и как только лава коснулась ствола, так все дерево мгновенно вспыхнуло, загорелось доверху, таким пламенем, как будто был фейерверк. Мы любовались этою картиной ночью, так как днем извержение имеет совсем не такой вид, потому что днем огонь не светит. Разливаясь, лава приблизилась к дому, ворвалась внутрь его, под напором лавы и огня дом рушился. Хозяева, видя все это, спасали, что могли, но без особенной суеты, поддаваясь неотвержимой силе и уступая все шаг за шагом. По краям лава, хотя раскаленная, была так тверда, что я попробовал сделать по ней шаг, и она выдержала, но, разумеется, подошвы моей обуви были обожжены. Мы отделили кусочек лавы и вложили в нее италианскую монету гран, но палка, которой мы отделяли лаву, загорелась ярким пламенем. Во время этого извержения пострадали тут знаменитые виноградники — Лаке-мо Кристе¹³¹.

Нам угрожало после этого еще опасность в дороге. Из Амальфи¹³² по сухому пути можно идти в Сорренто¹³³, но отчасти это было невозможно, потому что путь этот был небезопасен от разбойников, и поэтому мы

¹³¹ Искаженное Лакрима Кристи (Lacruma Christi) — «Слезы Христа» — виноградники монастыря, находящегося у подножия Везувия, а также название вина, производящегося с этих виноградников.

¹³² Амальфи — небольшой город на юге Италии, на одноименном побережье Тирренского моря.

¹³³ Сорренто — город на гористом полуострове в Неаполитанском заливе в Тирренском море.

решили ехать на лодке до Пазитано¹³⁴. Погода была бурная, с трудом нашли пару рыбаков, которые согласились везти нас. Посадили нас на суше в лодку, волна нас взяла оттуда. Скоро нас укачало, это было очень неприятно, но уже пристать опять к берегу не было никакой возможности, так как тут были отвесные горы, мы очень сожалели, что поехали, а не остались хоть один день. Смотря больше на физиономию товарища, которая была совершенно зеленая, углы рта висели вниз, вообще физиономия была невообразимо несчастная, т. е. до смешного, хотя я и сам страдал в это время, но, глядя на физиономию товарища, я расхохотался. К счастью, мы доехали благополучно, и волна нас также вынесла далеко на сушу, на песочный берег.

Из Соренты мы отправились на Капри¹³⁵, в этот необыкновенный уголок Италии. Местности, равной по своей поэзии с Капри, я в Италии не видал больше. В Капри мы встретили прежних знакомых, немецкого энтузиаста, писателя Алмерса¹³⁶ и доктора Гекеля¹³⁷, который ежедневно возился с морской водой, где искал всевозможных маленьких жителей и даже таких мельчайших, которые он рассматривал под микроскопом; но главное наше занятие во время пребывания на Капри состояло в том, что мы предпринимали разные экскурсии вчетвером и рисовали все, кто карандашом, кто акварелью. Так как остров этот чрезвычайно дик и скалист, то посетителей здесь бывает очень мало, и мы там жили положительно как в дикой стране, особенно Алмерс отличался особенным костюмом. Начиная сверху — у него была соломенная шляпа в форме Меркурия, только без крыльев, он купил ее за 5 гранов, т. е. приблизительно 5 коп. Рубашка обыкновенная была, кажется ночная, грудь открытая, и к рубашке привязано полотенце, чтобы им воспользоваться в то время, когда выступит пот на лицо, так утирать его, панталоны клетчатые, с заплаткой, башмаки подкованы, на них были каблуки сзади и спереди, так что каждый шаг производил ужасно неприятный скрип, так что я неоднократно замечал у Алмерса отсутствие всякого музыкального слуха, но все-таки ничто не портило здесь наше экзальтированное настроение. Раз, проезжая Атозора¹³⁸ с другим приезжим

¹³⁴ Позитано — небольшой город на побережье Амальфи.

¹³⁵ Капри — остров в Тирренском море, в южной части Неаполитанского залива.

¹³⁶ Алмерс Герман (Hermann Allmers, 1821–1902) — немецкий поэт и художник.

¹³⁷ Гекель — Гекель Эрнст Генрих Филипп Август (Ernst Heinrich Philipp August Haeckel; 1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ, дарвинист.

¹³⁸ Искаженное: Аззура — Grotta Azzurra, т. е. Голубой грот на о. Капри. Длина — 56 м, ширина 30, высота свода над уровнем воды 15 м, высота входа до 1,3 метра. Единственный вход — со стороны моря, и попасть в него можно только на лодке. Из-за низкого входа в штормовую

из Берлина художником, мы были очарованы сказочной красотой находящегося здесь грота, особенно вода здесь получает особенный оттенок, когда плывешь в ней сам, видя перед собой эти волны. Резонанс тут оказался тоже магическим, в то время, когда я купался, другие пели квартет, но так как тут участвовали берлинцы, так все окончилось очень прозаически — по-берлински. Один из берлинцев заметил, что если бы этот грот был в Берлине, то они устроили бы громадные ворота, а не так, как тут должно нагибаться в маленькой лодочке, сидя, и только по парам приезжать туда.

Мы не могли в Капри наслаждаться местным вином, знаменитым вином де Капри, потому что в то время была болезнь виноградников, и так как в то время не умели бороться с этой болезнью, то тогда все виноградники и погибли.

В один день приехала к нам туда старая дева (из Бремена), наша прежняя знакомая из Рима. Она необыкновенно обрадовалась, что нашла тут своих верных немецких братьев, она страшно кокетничала и не давала нам покоя. Нам это было чрезвычайно неприятно, но рыбак, привезший ее туда, приехал с надеждой, чтобы нас взять обратно в Соренто. Так мы и уговорились на другой день в 4 часа отправиться. Мы были на месте у лодки, а фрейлин Синкстак не было там.

Нам говорили, что видели ее где-то на горах, она там гуляла со своими чашками и книгами. Между тем рыбак говорил, что нам пора ехать, а то ветер переменится, и мы не достигнем Соренты. Я говорил: «Но как же оставить здесь барышню одну?» — Но рыбак говорит, что берет это на свой страх и вернется за ней на другой день. Так мы и решили отправиться, но мы все-таки опоздали и должны были высадиться на другом месте и остальной путь делать пешком, и на третий день, вернувшись в гостиницу, нам сказали, что нас спрашивала там одна дама и долго ждала нас, и обещала вернуться опять, но мы опять бегом убежали из гостиницы, прося сказать там, что если эта дама придет в другой раз, так чтобы сказали, что нас нет дома. Конечно, мы сейчас же догадались, что эта дама была фрейлин Синкстак, и хотя я был убежден, что рыбак свалил всю вину на нас, что мы уехали, не дождавшись ее, однако же лучше было терпеть несправедливое обвинение, но чтобы только не видеть этой приятной особы.

В Риме с ней случился такой анекдот: в галерее Ватикана она пристала к одному немецкому ученому, археологу, и тот из любезности объяснял ей все. Потом и на другой день она опять к нему пристала, и до того она ему

погоду вход в грот недоступен. Дно затоплено морем, благодаря чему свет, проникающий в грот, придает воде и всей пещере красивый лазоревый цвет.

надоела, что когда после этот ученый старик увидит ее издали на улице в Риме, то он убежал от нее во всю мочь куда-нибудь в переулок.

В кафе Грек со мной был следующий случай. Зимой, в тесной комнате этого кафе, вроде омнибуса, во время холодов, тут бывает очень тесно, потому что других теплых мест, где бы можно было погреться, здесь нет, так вот и явилась туда вдруг г-жа Синкстак, и говорит: «Я заметила тут место», — но, разумеется, места тут не было, и в сущности она села на колени двум там сидящим, и с ней постоянно были разодранные, грязные листки из комедии Данте, она думала, что итальянцы станут объяснять ей эту комедию, но итальянцы и сами не понимают Данте. Раз пронесся слух в Риме, что место около Албании¹³⁹ небезопасно, потому что видели там при лунном освещении гуляющих фрейлин Синкстак с Данте.

Синкстак очень мало получала от своих родственников, так что была очень бедно обставлена, но это было ужасно клейкое существо, эта фрейлин Синкстак.

В Сорренто, в течение 6 недель, я писал этюды, это была первая моя проба в пейзажном жанре. Вернувшись опять в Рим, из Сорренто, я получил из Петербурга от Общества поощрения художников, через Федора Федоровича Львова, уведомление, что они назначили меня пансионером общества (тогда я получил на два года только по 300 рубл. от них), но главная польза для меня в этом была та, что общество обещало купить все мои произведения, только небольшие. Но, к сожалению, я не мог много воспользоваться этим обещанием, потому что не чувствовал достаточно энергии, чтобы сделать что-нибудь серьезное, а слишком легкие предметы я не хотел посылать в Петербург.

Летом я поехал из Рима в горы Олевано¹⁴⁰, тут я писал первый год только пейзажные этюды.

Немецкая знаменитость, Фридрих Плерель¹⁴¹, который был тогда в Италии для собирания материалов для исполнения Одиссеи в галерею Веймарского музея, который нарочно для этого строился, он заметил, что никогда не видал, чтобы кто-нибудь из пейзажистов писал бы так серьезно этюды, как я.

¹³⁹ Албани, т. е. Альбанские горы (итал. *Colli Albani*) к юго-востоку от Рима — излюбленное место отдыха римлян.

¹⁴⁰ Олевано — *Olevano Romano*, поселение на горе Селеста в Римской провинции, в регионе Лацио. Очень популярное место среди художников, живших в Риме, для выезда на пленэр.

¹⁴¹ Плерель — точнее, Преллер — *Friedrich Preller* (1804–1878) — известный немецкий художник-пейзажист и гравер, учился в Италии в 1827–31 гг., потом стал преподавателем в Школе искусств в Веймаре. Был автором картин на сюжеты из «Одиссеи», а также «Оберона» Виланда. В 1859–61 гг. снова посетил Италию, по возвращении в Веймар завершил фрески по мотивам «Одиссеи» для герцогского дворца.

В другое за тем лето я писал картину «Италианка, переходящая через ручей»¹⁴², сынок ее, держась за ее платье и поднимая рубашонку, шагает за ней, а на голове у италианки, в корзине, лежит малютка и сосет палец. Эта картина потом пошла в собственность наследника Николая Александровича¹⁴³, после его смерти перешла к Марии Александровне¹⁴⁴, а впоследствии бывший наследник (а в настоящее время Государь) Александр Александрович¹⁴⁵ просил сестру уступить ему эту картину, которая в настоящее время и находится у Государя Императора. Я еще написал тут «Девушку, черпающую воду»¹⁴⁶, она тоже попала в собственность наследника.

За границей я считал полезным жить между иностранными художниками, но так как в Риме были большею частию немецкие художники, то я вертелся более в немецком обществе. У нас было составлено общество, называемое «Колона»¹⁴⁷, оно доходило до 20 человек иногда, оно состояло из людей, занимающихся по разным отраслям художеств и знаний. Так, напр., тут были археологи, филологи, поэты, художники и даже агрономы, и вследствие этого наши разговоры и споры были самые разнообразные. Иногда мы предпринимали целые экскурсии осматривать что-нибудь в окрестностях Рима. Мы ездили вместе в Кастельфузамо¹⁴⁸. За воротами, летом после занятий, кто-нибудь затевал игру в пестрели¹⁴⁹, а тут перед глазами очаровательные горы и вдали римская Кампания¹⁵⁰. У нас в обществе иногда устраивались чтения, но они были для меня невыносимы, так что как бы ни было интересно чтение, но я, прослушав немного, вставал и уходил прочь. Раз мы устроили даже вроде театра между собою. Составилось у нас две партии — художники с одной стороны и ученые археологи

¹⁴² Картина Келера, известная под названием «Итальянка с детьми у родника», экспонировавшаяся на выставке в Риме в 1862 г. Ныне хранится в Художественном музее Эстонии.

¹⁴³ Николай Александрович (1843–1865) — цесаревич, старший сын императора Александра II, наследник престола, скончался от туберкулеза, и престол перешел к его брату, будущему Александру III.

¹⁴⁴ Мария Александровна (1853–1920) — великая княжна, дочь императора Александра II. Келер преподавал ей рисование с 1862 по 1874 г., до ее замужества.

¹⁴⁵ Александр Александрович (1845–1894) — великий князь, с 1881 — император Александр III.

¹⁴⁶ Картина Келера, известная под названием «Девочка у родника». Ныне хранится в Художественном музее Эстонии.

¹⁴⁷ По названию кафе Colonna (via Corso), где собирались немецкие интеллектуалы, жившие в Риме.

¹⁴⁸ Кастельфузано — город в 25 км от центра Рима, недалеко от морского побережья.

¹⁴⁹ Ср.: РС. 1886. № 11. С. 345: Piastrella (камни).

¹⁵⁰ Римская Кампания — Campagna di Roma, низменная местность в окрестностях Рима, в Лацио, окружена горами на севере и на юго-востоке, примыкает к Тирренскому морю на юго-западе. Один из наиболее часто изображаемых в живописи районов Италии.

и друг.<ие> — с другой. Разумеется, каждая партия старалась быть как можно пикантнее другой партии, но так как это все устраивалось дружелюбно, то все и окончилось благополучно.

Скульптор Кауер¹⁵¹ был между прочим отличный каррикатурист, он в один вечер углем нарисовал всех членов общества в разных видах и развесил кругом на стенах. Меня он представил вроде Мамели д'Италия¹⁵² (гора) как блудного сына, окруженного свиньями и рисующего там Мамеле.

Не могу пропустить один случай, бывший со мной в Италии, во время карнавала в Риме¹⁵³. В меня на улице была брошена со всей силы известка, в форме гороха, этот горох был прямо брошен мне в глаза, и с такой силой, что я почувствовал страшную боль. Я ужасно взбешен был этим, и, кажется, попадись мне тогда этот злодей, бросивший в меня, я бы, кажется, убил бы его на месте, потому что это уже не в шутку было сделано, и не италианцами, которые знают границы шуткам, а это было верно сделано кем-нибудь из чужих варваров, и может быть даже кем-нибудь из моих товарищей.

Из Рима мною была послана в Петербург, в Академию, картина «Распятие» хотя я и имел покупателя на эту картину в Риме, но я все-таки послал ее в Академию, и за нее мне дали звание академика. В 1862 году я сам вернулся в Петербург. По дороге сюда я осмотрел все города Италии, Перуджио <т. е. Перуджу. — Л. К.>, Болонью, Ровену <т. е. Равенну. — Л. К.>, Верону и Венецию. Самые летние месяцы провел в Швейцарии, в Оберон-Годен¹⁵⁴. Дорога была довольно утомительна, так что под конец я решил не более 8 часов проводить в дороге (т. е. ехать днем, не более 8 часов). Прибыл я в Петербург 30 Августа 1862 года. По приезде сюда напал на меня сначала сон, так что раз во время дня я спал 10 часов. Хозяйка, где я нанимал квартиру, удивлялась, что это за господин, который все спит!

При первом визите моем прежнему учителю моему профессору Маркову он мне сказал, что уже давно меня ожидал, ему я был нужен, потому что

¹⁵¹ Роберт Кауер (Robert Cauer der Ältere, 1831–1893) — популярный немецкий скульптор, принадлежал к известному немецкому семейству скульпторов, работавших в академической манере. Приезжал в Италию дважды в год, где, по поручению прусского правительства, контролировал немецких стипендиатов.

¹⁵² Мамель д'Италия — Mammelle d'Italia, т. е. гора Costasole в Лацио, называемая по своей форме (две округлых вершины) «грудью» (mammelle).

¹⁵³ Карнавал в Риме — народные гулянья, продолжающиеся 11 дней до среды на первой неделе Великого поста. Участники наряжались в костюмы и маски, среди забав были популярны перестрелка гипсовыми или меловыми шариками (confetti), горохом, устраивались также лошадиные скачки (corso), а в заключение — праздник огней (moscoli).

¹⁵⁴ Оберон-Годен — искаженное написание. Возможно, следует читать: Оберн-Боден, т. е. верхняя часть Боденского озера (Obersee), хотя эта часть Боденского озера находится в Германии.

работа была. Оказалось, что Марков получил работу — писать купол в храме Спасителя в Москве¹⁵⁵.

Марков уговаривал меня быть ему вроде помощника в этой работе, и плату за нее получать, как я захочу, поштучно или помесечно. Спросил он меня при этом, сколько я думаю прожить в Петербурге, имею ли я деньги и проч.

Я сказал, что без гроша вернулся, денег у меня нет и работы тоже пока нет. Предложил он мне денег, что я, конечно, отклонил, а на его предложение насчет работы я просил у него время обдумать насчет этого и тогда дать ему ответ. Однако же прошло довольно много времени, а я все не мог решиться взять эту работу, потому что видел, как Марков хочет воспользоваться мною в этом деле, как простым работником, а между тем из его приготовлений я заметил, что он не в состоянии будет справиться с куполом. Я думал так, что если уже взять на себя этот труд, так только с тем условием, чтобы он не вмешивался в это дело; но так как он был моим учителем, то я и церемонился ему это прямо высказать и пошел к нему только тогда, когда он мне встретился опять на улице и сердитым голосом намекнул мне, что уже давно ждет меня для ответа. Тут делать было нечего, я должен был высказаться, и начал с того, что так как я не очень силен здоровьем, а тут в храме сыро, и в куполе воздух сыр, не хорош, спертый, то я и могу взять эту работу только в таком случае, если мне возможно будет после отдохнуть, т. е. если он мне заплатит <sic!> столько, что я по окончании этой работы могу отдыхать, не работая несколько времени. Не знаю, понял ли Марков или нет, что я хотел сказать этим, или просто не хотел понять, но он рассердился и говорит: «Зачем же я потерял время, так долго ждавши твоего ответа?» — Потом спросил меня, чем я буду заниматься. — Мой ответ был: «Не знаю». — «Ну, — сказал Марков, — будешь писать на звание профессора и не получишь» (и, действительно, я написал картину и не получил звание профессора). Долго после этого случая Марков при встрече со мною не кланялся. Ему не легче было, что не хотел за работу заплатить, как следует. Я слышал, что после он обратился к Сорокину¹⁵⁶, тот

¹⁵⁵ А. Т. Марков имел заказ на создание фрески в храме Христа Спасителя в Москве.

¹⁵⁶ Сорокин Евграф Семенович (1821–1892) — первоначальное образование получил у иконописца. В 1841–1849 гг. учился в АХ в классе А. Т. Маркова. В 1850 г. в качестве пенсионера отправился за границу (Германия, Бельгия, Франция). В Париже выполнял заказы на стенные росписи в церквях. Провел три года в Испании, копируя картины испанских художников, писал жанровые сцены. Посетил Египет и Сирию, с 1855 по 1859 гг. жил в Италии. За написанную там картину «Благовещение» получил в 1861 г. звание академика. В 1859 г. поселился в Москве. За росписи в храме Христа Спасителя получил в 1878 г. звание профессора. С 1859 г. до конца жизни руководил натурным классом в Московском училище живописи и ваяния.

требовал за эту работу 30 т.<ысяч> рублей. Марков нашел на эту цену чрезмерною. Потом он вступил в сделку с Макаровым¹⁵⁷, за годовую плату. Но Макаров, с расслабленным здоровьем, прожил год с семейством на счет Маркова и, кажется, и другой год прожил, но работа не двигалась вперед. Вышел между ними разлад: Марков бранил Макарова, а Макаров Маркова, Бог знает, кто из них прав.

Потом Марков нашел других помощников, а вышло наконец то, что купол обошелся Маркову гораздо дороже, чем если бы он мне сразу заплатил эти 30 тысяч и сидел бы беззаботно дома, а то он хотел заплатить мне дешевле, да если бы работа по куполу выходила хорошо, удачно, тогда вся слава была бы его, Маркова, но в случае неудачи все бы знали, что Келер был приглашен писать. —

В 1864 году я поехал в Ревель¹⁵⁸. В Ревеле, как обыкновенно и все художники, я стал посещать места, где много народу, чтобы изучать жизнь народа. Также и тут я пошел на рынок, где много было приезжих мужиков и баб, но вид этого угнетенного народа произвел на меня весьма грустное впечатление. Видел я много в Италии людей в лохмотьях, но они мне все-таки казались людьми, они даже отчасти с известной гордостью протягивали руку и требовали помощи. Но здесь руку не протягивали, но общий склад был вероятно грустный.

Впечатление было до того грустно, что я, вышедши за город, плакал, как дитя. Думал я: «Возможно ли довести народ до такой степени!». И потом стал придумывать, каким бы образом я мог бы что-нибудь сделать для на-

¹⁵⁷ Макаров Иван Кузьмич (1822–1897) — сын бывшего крепостного, окончил Саранское уездное училище, учился живописи у отца и вместе с ним расписывал церкви. Писал картины, в 1842 г. за работу «Две молодые мордовки» АХ присвоила ему звание классного художника. В 1845–1853 гг. был вольноприходящим учеником АХ по классу А. Т. Маркова, дружил с И. К. Айвазовским. Был популярен как портретист (в частности, известны несколько портретов детей Пушкина и Н. Н. Пушкиной-Ланской). В 1840-е гг. давал уроки рисования детям великой княгини Марии Николаевны. В 1853–1855 гг. жил в Италии на средства великой княгини и Общества поощрения художников. В 1855 г. удостоен звания академика. Жил в Петербурге, но участвовал в росписи церквей в Пензе, Иркутске, писал иконы. С 1865 г. работал над росписями в храме Христа Спасителя в Москве. Вместе с И. Н. Крамским, Н. А. Кошелевым и К. Б. Венигом выполнил роспись центрального купола «Трипостасный Бог» по эскизу А. Т. Маркова (см.: Русские живописцы XVIII–XIX вв. Биографический словарь. СПб., 2008. С. 391). Видимо, Келер передает какие-то слухи о жизни Макарова с семейством (женится в 1863 г.) за счет Маркова. Не очень понятно, насколько они соответствовали действительности, т. к. на конец 1850-х и 1860-е гг. приходится расцвет творчества художника и его популярности как портретиста.

¹⁵⁸ Келер ездил в Эстонию в 1863 г. Его пребывание в Ревеле изложено в журнальной версии гораздо подробнее (РС. 1886. № 11. С. 352 и далее).

рода, чтобы вывести его к лучшей жизни¹⁵⁹. При этом мне вспомнилось еще происшествие, недавно случившееся в Ревеле и даже описанное в Герти-лобе <так!>¹⁶⁰. Это было истязание 60 хозяев¹⁶¹. Сущность дела возникла из того, что в церквах с кафедр объявили народу, что быт крестьян будет улучшен старым императором¹⁶². Но сущность дела вышла не так. Хотя по бумаге было действительно улучшение, но в действительности народ не мог этого заметить, потому что прежние законы были так суровы, что не могли быть выполняемы, а теперешние, новые, были только на столько изменены, на сколько они были уже в жизни применены, так что улучшение в практике не сказалось. Долго совещались крестьяне между собою по этому поводу и наконец решили идти в Ревель, узнать у губернатора¹⁶³, в чем

¹⁵⁹ Об этом Келер думал всегда, в том числе и в Риме, когда писал Н. Грот в новогоднем письме от 19/31.12.1860 г. о положении эстонских крестьян — в надежде на то, что ее брат Н. П. Семенов, участвовавший в подготовке крестьянской реформы в России, поможет исправить ситуацию в балтийских провинциях (Письма. С. 34).

¹⁶⁰ Искаженное название немецкого семейного иллюстрированного журнала по садоводству “Die Gartenlaube: Illustriertes Familienblatt”, выходявшего в Лейпциге с 1853 г. (просуществовал до 1944 г., в последние годы выходил в Берлине). Это было одно из первых успешных изданий для семейного чтения, ориентированное на массового читателя среднего класса. Там помещались актуальные новости, статьи по естественным наукам, занимательные истории, стихотворения и т. п. Упомянув этот журнал, Келер хочет продемонстрировать масштаб событий, произошедших в Эстонии, и их резонанс в Европе, если даже такой журнал, как “Die Gartenlaube” поместил о них информацию. Благодарю М. И. Лекомцеву за помощь в расшифровке искаженного стенографисткой названия.

¹⁶¹ Экзекуция крестьян (ходоков) из Ания (волость на севере Эстонии) в июле 1858 г. (см. ниже). Впоследствии события были описаны во второй части романной трилогии Э. Вильде “Kuidas Anija mehed Tallinnas käisid”, 1903, в русском переводе — «Ходоки из Ания»

¹⁶² Имеется в виду «Положения о крестьянах Эстляндской губернии 5 апреля 1856 г.». Оно было переведено на немецкий и эстонский (см.: Eestimaa Talorahwa Seadus. Tallinn, 1858) языки и роздано помещикам и пасторам для объявления крестьянам. Закон действительно был призван хотя бы в какой-то мере облегчить положение эстонских крестьян: сократить число барщинных дней на 14 %, запретить помещикам присоединять к мызным землям участки, находящиеся в арендном пользовании крестьян и пр. Однако в действительности немецким землевладельцам, путем махинаций с переводом, удалось создать текст, по которому выходило, что барщинная повинность и условия земельной аренды остаются без изменения. Крестьянами объявление указа 23.04.1858 было расценено, как дарование «воли» со стороны царя, скрытой помещиками, что и вызвало многочисленные акты неповиновения, охватившие более чем 75 поместий Эстонии, вплоть до крестьянского восстания в Махтра. См.: 1858. aasta talurahvarahutused Eestis. Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 г. Dokumente ja materjale. Документы и материалы. Tallinn, 1958. Lk 22–25 (Далее ссылки на это издание: 1858. aasta talurahvarahutused, с указанием страницы). Война в Махтра стала сюжетом одноименного романа Э. Вильде (1902 г.).

¹⁶³ Губернатором Эстляндии в 1842–1859 гг. был эстляндский дворянин Иван Егорович Гринвальдт/Грюневальдт (Johann Christoph Engelbrecht von Grünewaldt, 1796–1862). Умер в Петербурге, будучи сенатором и тайным советником.

есть милость Государя, но перед этим обратились к жандармскому полковнику за советом. Тот им сказал, что вас-де слишком много, а это имеет вид возмущения, а вы выберите только троих, а остальные не ходите к губернатору. Так и сделали. Трое пошли к губернатору, а там уже было известно, сколько сначала отправилось. Эти трое были там очень ласково приняты, с вопросом: «А разве вас только трое, а больше нет?» — они отвечают: «Есть у нас и еще». — «Ну, так приходите все вместе, чтобы вас выслушать». Пока те собирались, было приказано держать команду наготове, которая по прибытии депутации окружила ее и с барабанным боем вели их из Вышгорода через город, на нижний край его (города).

Тут уже были привезены возы розог — палок (шпицрутен), и там все они были жестоко истязаны, хотя, конечно, город Ревель и протестовал против этого варварского обхождения. Очевидцы рассказывали, что на том месте были лужи крови, и один крестьянин, которому пришла очередь быть наказываему, чтобы не лечь лицом в кровь, подложил под лицо свой кафтан, то один из зрителей этой пытки вытащил кафтан из-под лица крестьянина, говоря: «Какое тебе нужно еще удобство» (Это губернское правление так свирепствовало). Пастор Аренд из Кузали¹⁶⁴ назвал этот акт (наказание) спасительным действием — Рейтен-де-та <пара букв захвачена переплетом. — Л. К.>¹⁶⁵.

Пришли в Ревель все хозяева, кто же из бунтовщиков к жандармам обращается, как обратились эти крестьяне? Кроме этого случилось подобное и в других местах, как, наприм.<ер> на острове Даго¹⁶⁶, были практикованы такие же *спасительные* действия.

Командовал войсками при этом какой-то барон¹⁶⁷, а генерал-губернатором тогда был, кажется, Суворов¹⁶⁸, но он не был в это время дома.

¹⁶⁴ Искажены и имя, и название места. Пастором в приходе Куусалу с 1837 по 1863 гг. был известный исследователь эстонского языка Эдуард Аренс (Eduard Ahrens, 1803–1863), выпускник богословского факультета Дерптского университета, автор эстонской грамматики и один из реформаторов эстонского языка. См. о нем как о лингвисте: Uue ajastu misjonilingvist. Eduard Ahrens 200 / Koost. ja toimet. Kristiina Ross. Tallinn, 2003. Пастор Аренс имеет устойчивую репутацию эстофила, поэтому предстоит проверить, настолько точно свидетельство Келера.

¹⁶⁵ Уточнение по печатной версии: “Das ist eine rettende That” («Это спасительное дело») // РС. 1886. № 11. С. 355.

¹⁶⁶ Даго — или: Дагё (Dagö) — дореволюционное название острова Хийумаа на западе Эстонии. Там в июле 1858 г. происходили крестьянские волнения, получившие начало в имении Ваэмла (Vaemla, нем. *Waimel*). Материалы допросов на наказания шпицрутенами ваэмласких крестьян см.: 1858. aasta talurahvarahutused. Lk 341–342.

¹⁶⁷ Экзекуцией над 50 крестьянами из Ания, произведенной на Русском рынке 21.07.1858, распорядился комендант Ревеля генерал-лейтенант барон А. В. Зальца (Salza), который в на-

Из Ревеля я поехал на остров Даго, там я рисовал разные костюмы. В Выймео Гернете¹⁶⁹, у господина, у которого я гостил две недели, я откровенно говорил, что эстонцы имели бы право так же силою взять то, что отнято у них было силою. Но если таким способом можно деморализировать народ, то я для своих братьев не желал бы деморализации, но я говорю, что они хоть по крайней мере имели бы право, хоть за деньги, покупать назад землю своих предков, которую они, до сегодняшнего дня, обрабатывали для немцев. На это г-н Гернет возражал, или скорей ничего не возражал, а просто сказал: «Погодите, мы все сделаем, только не присылайте русских нам на шею».

У них же я писал с помощью г-жи Гернет головку красивого эстонца, я сделал ее в один сеанс, так как этот эстонец жил очень далеко отсюда¹⁷⁰.

приженные для власти месяцы иногда исполнял обязанности военного губернатора. Производили экзекуцию солдаты Шлиссельбургского пехотного полка. См.: 1858. aasta talurahvahutused. Lk 391–392.

¹⁶⁸ Александр Аркадьевич Суворов (1804–1882), граф Рымникский, князь Итальянский, внук знаменитого полководца, был в 1848–1861 гг. генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Он придерживался ярко выраженной пронемецкой ориентации. Жил обычно в Риге.

¹⁶⁹ Искажено название имения и имя его владельца: хозяином имения Ваэмла (Waimel) на острове Хийумаа был в тот момент Рихард фон Гернет (Richard von Gernet, 1823–1892). Он родился в Ваэмла, в 1852 г. женился на Магдалине фон Штакельберг (Magdalena Pauline Charlotta Stackelberg).

В романе Я. Кросса «Третьи горы» антагонистом Келера назван Рудольф фон Гернет, видимо, потому, что он стал более известным человеком, первым командором первого в Эстонии яхт-клуба, начавшего свою деятельность в Хаапсалу в 1888 г. (что также обыграно в романе). Однако реальный Рудольф фон Гернет — это сын знакомого художника по его пребыванию на Хийумаа. Его полное имя Friedrich Rudolf Herman von Gernet (1857–1893). Таким образом, реальный Келер беседовал с Рихардом фон Гернетом и его женой Магдаленой; наверное, общался и с их шестилетним сыном Рудольфом, который, как и его отец, родился в Ваэмла.

¹⁷⁰ История крестьянина, точнее, кучера в имении Штакельбергов (на небольшом островке Кассари, рядом с Хийумаа) Виллема Тамма, ставшего впоследствии бурмистром — один из ключевых моментов в романе Я. Кросса «Третьи горы». О взаимодействии мифа и реальности в этом сюжете говорится в нашей статье «Герои и их прототипы у Яана Кросса (на примере новеллы “Третьи горы” и пьесы “Трудная ночь доктора Карелла”»»). Приводимые здесь слова Й. Келера — лишнее свидетельство того, что художник несколько не интересовался жизнью и моральными качествами своей модели, для него это просто «красивый эстонец», которого он изобразил на картинах «Цыган с Хийумаа» и «Хийумааский крестьянин с топором». Запомнившиеся ему черты лица крестьянина Келер придал и Христу в алтарной фреске в Карловской церкви в Таллинне, которую написал в 1879 г. (этот эпизод из жизни Келера находится в центре романа Я. Кросса «Третьи горы»).